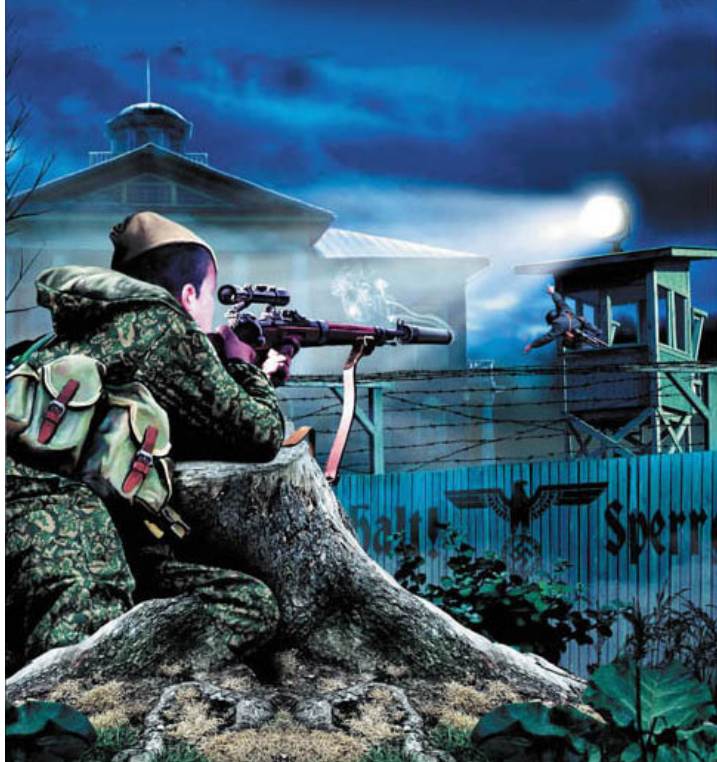

★ МАКСИМ БУЗИН ★

СНАЙПЕРЫ

ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ

Максим Леонидович Бузин
Снайперы. Огонь на поражение
Серия «Война. Штрафбат.
Они сражались за Родину»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42667011

*Снайперы. Огонь на поражение / Максим Бузин: Яуза-Каталог; Москва;
2019*

ISBN 978-5-6040916-1-6

Аннотация

Начало лета 1943 года. В преддверии Курской битвы на передовой сохраняется относительное затишье. Однако самая страшная в истории человечества война продолжается. Диверсионные группы Красной Армии и Вермахта осуществляют рейды по неприятельским тылам, вступая в ожесточенные рукопашные схватки, а минометные и артиллерийские обстрелы являются непременным атрибутом фронтового быта...

Снайперы разведроты РККА ведут беспощадную и непримиримую борьбу с оккупантами. Оказываясь в самых неожиданных местах и возникая, словно из ниоткуда, они уничтожают фашистов, часто оставаясь невидимыми для врага и сея в его рядах панику и страх...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	74
Глава 7	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Они сражались за Родину!

Максим Бuzин

Снайперы. Огонь на поражение

*Выражаю сердечную благодарность моему сыну
Максиму за неоценимую помощь в написании этой
книги.*

Глава 1

Ласковый юго-западный ветер плавно раскачивал вер-
хушки деревьев. Среди ярко-зеленых листьев весело щебе-
тали птицы. Теплые лучи июньского солнца, невесомым ве-
ером пробиваясь сквозь пышные кроны дубов, берез и осин,
скользили по земле. Все вокруг дышало покоем и умиротво-
ренностью. И практически бесшумно движущиеся по лесу
две человеческие фигуры в маскировочных костюмах не на-
рушали окружающей их гармонии.

Крепкого телосложения мужчине, который с автоматом наизготовку шел первым, на вид можно было дать лет около тридцати. Его светло-зеленые глаза смотрели на мир внимательно и цепко. А свежий шрам, почти вертикально пересекавший лоб от коротко стриженных тронутых легкой сединой волос до самой левой брови, придавал открытому и мягкому от природы лицу выражение мужественности и даже некоторой суровости.

Следовавший в нескольких метрах позади него худощавый юноша держал в руках винтовку с оптическим прицелом. Молодой человек выглядел напряженным, скованным и заметно нервничал. Тревожное состояние юноши не укрылось от его спутника, к слову сказать, перемещавшегося между кустами и деревьями с грацией дикой кошки.

– Семь минут привал, – обернувшись назад, негромко произнес он и опустился на траву возле толстого ствола одной из берез.

– Почему семь? – шепотом спросил юноша, присаживаясь рядом.

– Не знаю, Сережа, я просто так сказал, – пожав плечами, добродушно улыбнулся мужчина со шрамом в ответ.

Неуловимым движением он достал папиросу и принялся неторопливо разминать ее большим и указательным пальцами правой руки.

– Нельзя курить, товарищ старшина, противник может учуять, – тихо, но настойчиво сказал Сергей.

– Вряд ли здесь кто-то есть, а, впрочем, я и не собирался! Так, привычка! – усмехнулся старшина, убирая папиросу в карман. – И прекрати обращаться ко мне по званию! Для тебя я Андрей, понял?

– Понял, – немного смутившись, ответил Сергей, – но...

– Никаких «но», – перебил его Андрей и хитро прищурился, – или, может быть, хочешь называть меня по отчеству, Вениаминович? Так пока ты его выговоришь, чтобы меня предупредить, например, то полчаса пройдет! А Гансы в бою столько времени ждать не будут и дырок в Андрее Вениаминовиче понаделают, что в твоём дуршлаге. Так что, извини...

Старшина в характерном жесте развел руки в стороны и тут же резко изменил направление разговора.

– Волнуешься, Сережа? – мягко спросил он, пристально глядя в глаза собеседнику.

– Еще как, – согласно кивнул головой тот.

– Для первого задания это абсолютно нормально, – сказал Андрей и ободряюще похлопал юношу по плечу. – Успокойся и не забивай себе голову. Как только дойдет до дела, то весь твой мандраж исчезнет быстренько и без следа, а может, и раньше. Поверь мне на слово.

– Надеюсь, что так и будет, – пробормотал Сергей не слишком уверенно.

– Даже не сомневайся! – не допускающим возражений голосом воскликнул старшина.

И тут же, поймав укоризненный взгляд юноши, добавил:

– Ну, извини, извини, что так громко, но отсюда до немцев, как до Парижа! Не переживай, не услышат!

– А нас учили... – начал Сергей, но старшина перебил его.

– Да знаю я все. Соблюдать режим молчания или разговаривать шепотом. Не курить. Использовать искусственные и естественные укрытия, а также средства маскировки. Передвигаться скрытно, самостоятельно выбирать позицию, тщательно наблюдать, терпеливо выжидать и поражать цель с первого выстрела. После трех-четырех выстрелов обязательно менять эту самую позицию, ну, и так далее. Правильно?

– В общих чертах, да...

– Ну и чудненько, – улыбнулся Андрей, – а где ты проходил подготовку?

– В снайперской школе, в Вешняках. Окончил трехмесячные курсы.

– Как же, наслышан. Серьезное место, и инструкторы там отличные. Небось гоняли вас с утра до вечера, как Сидоровых коз?

– Это еще мягко сказано. После отбоя только на койку упал – и уже спишь! За день выматываешься до изнеможения, но есть и плюс – полное отсутствие бессонницы!

– То есть крепкий здоровый сон вам, курсантам, был обеспечен? – с непередаваемой интонацией спросил Андрей.

– Безусловно, – в тон ему подыграл Сергей и при этом неожиданно для себя самого почувствовал, как напряжение,

сковывавшее его последние несколько часов, внезапно исчезло.

Он удивленно посмотрел на старшину, будто вопрошая того – что же такого волшебного произошло. Но Андрей, очевидно, поняв безмолвный вопрос своего товарища, ничего не ответил, лишь загадочно улыбнулся одними уголками губ...

* * *

...К началу лета 1943 года на линии противостояния частей Красной армии, входивших в состав одного из фронтов, и немецких войск группы армий «Центр» сохранялось относительно затишье, и широкомасштабные боевые действия не велись уже довольно продолжительное время. Но это вовсе не означало, что в войне наступила некая пауза.

Практически ежедневно происходили артиллерийские и минометные обстрелы и дуэли. Гитлеровцы, используя свою излюбленную тактику периодически осуществляли разведку боем, пытаясь нащупать слабости и бреши в оборонительных порядках советских войск. Наши разведывательные группы также в свою очередь совершали вылазки в расположение неприятеля, захватывали «языков», устраивали засады и диверсии на путях следования фашистских войск, уничтожали живую силу и технику противника.

Самая страшная в истории человечества война продолжа-

лась, просто на текущем этапе и на данном участке фронта она вступила в несколько иную фазу. И в сложившихся условиях еще более возрастала и без того чрезвычайно важная роль советских снайперов в борьбе с врагом...

* * *

...Немного передохнув, Сергей с Андреем продолжили свой путь. Старшина шел уверенно, ориентируясь по солнцу и каким-то своим, только ему известным приметам. Сергей не отставал. От монотонности окружающего пейзажа ему начало казаться, что лес никогда не закончится. Но постепенно почва стала мягче, а затем деревья внезапно словно отступили, и взору юноши предстало обширное болото с редко растущими на нем корявыми низкорослыми березками да ивами.

«Сбился с дороги старшина, – промелькнуло в голове у Сергея. – Неудивительно, сколько уже идем, а он ни разу с картой не сверился!»

Юноша с тревогой посмотрел на товарища, собираясь задать интересующий его вопрос, но Андрей его опередил.

– Не волнуйся, мы не заблудились, – произнес он, массируя пальцами шрам на лбу. – Сейчас форсируем этот водоемчик и дальше потопаем. Максимум через пару часов будем на месте.

– Так ведь болото, трясина, затянет – и привет, – недоуме-

вающе промолвил Сергей.

– Это если не знать броду, – успокаивающе улыбнулся старшина.

С этими словами Андрей присел на корточки и извлек из густой травы две внушительных размеров березовые жерди.

– С прошлого раза остались, – пояснил он, протягивая одну из них Сергею. – Мы здесь с разведчиками «прогуливались» около месяца назад. Дышали, так сказать, местным воздухом, а заодно окрестности изучали.

– И как, успешно? – спросил юноша, принимая длинную палку из рук старшины.

– Не очень, – посерьезнел Андрей. – Ребята на рассвете взяли «языка», караульного офицера, за речкой возле той деревни, куда мы с тобой направляемся, на плоту возвращались назад. Тут немцы их и засекли. Врезали из минометов. Я с этого берега прикрывал, один расчет снял, а второй не успел...

Старшина замолчал, играя желваками на щеках. Были видно, что эти воспоминания ему не особенно приятны.

Перемена в настроении Андрея не укрылась от его товарища, но любопытство все же победило, и Сергей негромко спросил:

– А что было дальше?

– Да ничего хорошего! «Языка» мы потеряли. Двоих ребят тяжело ранило, они до сих пор в госпитале. Меня контузило, осколком лоб распорол, а самого взрывной волной в

сторону отбросило. Пока я в себя приходил, мою винтовку следующей миной на части разорвало...

Андрей глухо откашлялся, прикрыв рот ладонью, посмотрел на наручные часы и подытожил:

– В общем, рассказывать можно долго. А если коротко, то фрицы затем начали палить по лесу, наверное, думали, что наша группа направилась прямо в чащу. А мы по опушке вместе с ранеными, где ползком, где на карачках пробрались вдоль реки и ушли через это самое болото.

Такая вот невеселая история приключилась.

– Но ведь все живыми назад вернулись...

– И то верно!

Старшина тряхнул головой, будто отгоняя безрадостные мысли, и совсем другим тоном произнес:

– Ладно, теперь о насущном. Идешь строго за мной, обязательно прощупывая дно. Сначала втыкаешь палку несколько раз. Если чувствуешь, что почва надежная, то потом в это место ставишь ногу. Провалишься – не кричи, я и так услышу. Усек?

– Усек, – бодро ответил Сергей.

– Тогда вперед, граф, – улыбнулся Андрей, – вас ждут великие дела...

* * *

...Как и предсказывал старшина, до крайней точки своего

маршрута они добрались за час сорок с хвостиком. В качестве позиции Сергей с молчаливого согласия товарища выбрал местечко на краю леса, где среди обильно разросшихся кустов выступали два покрытых травой бугорка с полукруглой выемкой между ними. Отсюда открывался хороший обзор прилегающей территории.

А посмотреть действительно было на что.

Рядом с опушкой по причудливо извилистому руслу нетопливо несла свои искрящиеся на солнце воды довольно широкая река, сразу за которой начинался ровный, как поверхность стола, зеленый луг с пасущимися на нем коровами. В эту картину сельского пейзажа органично вписывалась раскинувшаяся на удалении двухсот пятидесяти метров от леса деревенька в полсотни дворов, откуда доносилась приглушенная расстоянием музыка. Однако ощущение сложившейся на первый взгляд идиллии полностью рушили угловатые силуэты танков и бронемашин с крестами на бортах, направленные в яркое голубое небо стволы зенитных орудий и многочисленные фигуры немецких солдат со знаками различия войск СС, которые, судя по их довольным улыбающимся лицам, чувствовали себя здесь, в российской глубинке, вполне уверенно и комфортно.

Именно такие мысли проносились в голове у Сергея, прильнувшего к прицелу снайперской винтовки.

– Веселятся, сволочи, – прошептал он, скрипнув зубами, и положил указательный палец на спусковой крючок. – Ну,

ничего, рахиты, сейчас я настроение вам подпорчу.

– Не горячись, Сережа, – мягко прикоснулся к его предплечью устроившийся рядом старшина, – еще не время. Нам нужен офицер, помнишь?

– Помню, – качнул головой юноша, – но мы уже час наблюдаем. И самый старший по званию, кого я видел, был толстяк с погонами унтершарфюрера СС, что вроде как соответствует чину унтер-фельдфебеля в частях Вермахта, правильно?

– Бери ниже, всего лишь унтер-офицера, хотя сравнение здесь относительное и не совсем корректное.

– Так, может, я этого колобка все-таки шлепну? – не унимался Сергей. – Он туда-сюда носится на своих коротких ножках, сам на пулю напрашивается.

– Хотелось бы подстрелить более серьезную дичь, – спокойным голосом произнес Овечкин. – Да и рожа у «твоего» унтершарфюрера слишком уж сытая. Какой-нибудь никчемный штабной подхалим.

– Но от этого он не перестает быть фашистом.

– Естественно, – согласно кивнул Андрей, поправляя висевший на шее бинокль. – Но ты не учел, что после выстрела нам придется сразу уходить, потому что немецкие минометы еще никто не отменял, а места здесь ими все уже давно пристреляны. Второго шанса фрицы не дадут, не надейся, поэтому все-таки подождем.

И, как показали дальнейшие события, старшина оказался прав...

Не прошло и десяти минут, как к одному из домов подкатил грузовик. Сидевшие в кузове эсэсовцы под довольный гогот обступивших машину солдат, не открывая задний борт, буквально скинули на землю человека, облаченного в форму советского летчика. Правая нога пилота выше колена была обмотана бинтом, сквозь который отчетливо проступало расплывшееся кровавое пятно. Очевидно, рана была весьма болезненной, потому что летчик дважды пытался встать на ноги и оба раза падал на землю. Наконец, ему удалось подняться, и теперь он стоял, окруженный врагами, с гордо поднятой головой, хотя стиснутые зубы и выступившие на скуластом бледном лице крупные капли пота ясно показывали, что это дается пилоту с невероятным трудом.

– Надо попытаться его спасти, – прошептал Сергей, глядя в оптический прицел.

– Каким образом? – не отрывая от глаз бинокля, спросил Андрей.

– Не знаю, – выдохнул юноша.

– И я не знаю, потому не будем сотрясать зря воздух, – негромко произнес старшина.

Внезапно его тело напряглось, а в голосе отчетливо зазвучали металлические нотки.

– Вижу цель, – отрывисто бросил он, – штурмбанфюрер СС, вышел из дома, рядом с которым остановился грузовик. Приготовься, стрелять по моей команде.

– Есть, фрица наблюдаю, – после секундной паузы ответил

Сергей, поймав в образованный тремя разомкнутыми нитями полукрест прицельной сетки появившуюся на улице фигуру гитлеровского офицера.

Тем временем вражеские солдаты расступились, и ничего не подозревающий фашист приблизился к раненому летчику. Остановившись приблизительно в метре от него, эсэсовец, судя по активной жестикуляции, принялся задавать какие-то вопросы. Но пленный никак не реагировал на эти телодвижения, чем и вывел противника из себя. Сделав полшага вперед, штурмбанфюрер замахнулся и ударил советского пилота раскрытой ладонью по щеке.

А дальше произошло то, чего никто не ожидал, – раненый, сжав левую кисть в кулак, врезал гитлеровцу в челюсть! Да так мощно, что немец, как подкошенный, рухнул на землю. Впрочем, он почти сразу же вскочил и, трясясь от бешенства и брызгая окрасившейся в алый цвет слюной, выхватил из кобуры пистолет, направив оружие летчику в грудь. Кажется, еще мгновение – и все будет кончено. Но нажать на курок штурмбанфюрер не успел...

– Огонь! – хрипло крикнул Андрей, и его голос тотчас потонул в звуке винтовочного выстрела.

Пуля калибра 7,62 миллиметра преодолела расстояние в четверть километра менее чем за три десятых секунды и попала эсэсовскому офицеру точно в висок! Взмахнув руками, фашист бесформенным кулем повалился в траву.

Находившиеся рядом солдаты бросились в рассыпную.

Двое схватили пленного и потащили его к стоявшему в некотором отдалении сараю. Остальные, укрывшись за корпусами танков и броневиков, открыли по лесу ураганный огонь. Четко и слаженно заработали минометы, но наших ребят уже и след простыл...

Глава 2

...Командир стрелковой роты капитан Набойченко стоял под могучим раскидистым дубом, держал в руке незажженную папиросу и смотрел невидящим взглядом в бескрайнюю даль.

Прошло более десяти часов с того момента, как старшина Овечкин и сержант Поздняков ушли на задание. По всем расчетам они должны были уже вернуться, но этого не происходило, и у пребывающего в неведении капитана, что называется, кошки на душе скребли.

«Может, следовало не торопиться и выждать некоторое время, чтобы Поздняков немного освоился, пообтерся, – размышлял Набойченко. – Парень совсем молодой, неопытный, всего пару дней на фронте, еще пороха не нюхал. А я его сразу хоть и не в пекло отправил, но ведь и не на экскурсию в планетарий. Как бы не начудил чего. Конечно, с ним Андрей, он один целого взвода стоит, но все равно тревожно».

Капитан облизнул пересохшие губы, опустил глаза и, вспомнив, что уже давно собирался закурить, принялся хлопать себя по карманам в поисках спичек.

– Прикуривайте, Геннадий Анатольевич, – неожиданно прозвучавший возле самого уха голос заставил его вздрогнуть.

Набойченко резко обернулся и оказался нос к носу со старшиной Овечкиным, который с довольным видом протягивал ему тлеющую папиросу.

– Фу ты, напугал, Андрей, вечно появляешься, как тень! – ворчливо сказал капитан, за деланно-сердитым тоном пытаюсь скрыть охватившую его радость.

Прикурив из рук старшины и глубоко затянувшись, он выпустил несколько колечек сизого дыма, попутно мысленно отметив, что почти не ощущает одолевавшей его еще минуту назад тревоги, и уже гораздо мягче спросил:

– Ну, как в лес сходили?

– Замечательно, товарищ капитан, – ответил Андрей, похивая папиросой, словно паровоз. – Голубое небо, солнышко греет, птички щебечут, в общем, прогулка удалась на славу!

– А почему так долго?

– Так мы же туда для перестраховки шли через болото, которое в речку упирается, ну, и обратно тоже, в общем, кружным путем.

– То есть принимали водные процедуры?

– В некотором роде, – улыбнулся Овечкин.

...О том, что младший по званию обязан доложить своему командиру о выполнении боевой задачи, старшина не забыл. Но, поскольку с капитаном Набойченко его связывали почти дружеские отношения, а посторонних рядом не было, то Андрей на этот счет особо сейчас и не заморачивался. Он пре-

красно изучил манеру Набойченко частенько заводить разговор издалека и просто терпеливо ждал, когда тот сам начнет расспрашивать по существу...

– Ясенько, – растягивая гласные, произнес капитан. – А что там Поздняков?

– А что Поздняков? – дурашливо переспросил старшина. – Нормально все с ним, сейчас уже спит, наверное! Парень набегался за день, устал!

– Фрица-то он подстрелил?

– Обязательно! И не какого-нибудь там писаря или повара, а цельного штурмбанфюрера!

– Во как! А чего же ты столько времени молчал? Давай рассказывай в подробностях! – Набойченко весь подобрался, словно гончая, почуявшая след.

– Так особо не о чем, – пожал плечами Андрей. – Мы вышли к деревне, заняли позицию на кромке леса и стали ждать. Через час десять появился этот эсэсовец, и сержант Поздняков уложил его с первого выстрела. Вот, собственно, и все.

Старшина выбросил окурок в траву и, прочтя в глазах Набойченко откровенное разочарование от столь короткого повествования, извиняющимся голосом воскликнул:

– Ну, ты же знаешь, Анатолевич, не мастер я победные репортажи выдавать! Лучше поговори с Поздняковым! Он стрелял, ему и лавры пожинать! Так будет справедливо!

– А ты, значит, ни при чем? – лукаво прищурившись,

спросил капитан.

– А что я сделал? Так, прошелся с ним за компанию, воздухом подышал! Ну, дорогу показал, и чего? Он бы и сам сориентировался, куда идти да где с винтовочкой залечь! Я тебе больше скажу...

– Ладно, хватит молодому дифирамбы петь! – выставив перед собой в характерном жесте ладонь, остановил Андрея капитан. – Сглазишь еще! Иди лучше отдыхай!

– Чуть позже, товарищ капитан! – посерьезнел Овечкин. – Я главного не рассказал! В ту деревню гитлеровцы нашего раненого летчика привезли! Хорошо бы его вытащить! Жаль, если пропадет! Отчаянный мужик!

– С чего ты взял?

– Он ныне покойному штурмбанфюреру в челюсть засадил и в нокдаун того отправил!

– Ясенько, – вновь протянул Набойченко, сморщив лоб. – Эта задачка посложнее будет! Но я подумаю, обмозгую, с комбатом посоветуюсь. Естественно, свяжемся с летунами. В общем, решим, что можно сделать! А ты, Андрей, – немедленно спать! Это приказ!..

* * *

...На следующий день погода испортилась. Небо заволочло тучами, и с утра накрапывал мелкий дождь. Впрочем, в землянке, где размещались Овечкин и Поздняков, было уют-

но и сухо.

Сергей с Андреем сидели на пустых снаряжных ящиках возле сколоченного из грубых досок стола, на котором дымились кружки с только что заваренным чаем, и беседовали с устроившимся напротив капитаном Набойченко. Именно беседовали, а не выслушивали его распоряжения! Потому что обсуждался план будущей операции, крайне рискованной и непредсказуемой, и в ней многое зависело от грамотных действий старшины и сержанта. Разговор был долгим, о чем свидетельствовала гора окурков, скопившихся в заменявшей пепельницу консервной банке, и уже подходил к концу...

– Итак, ребята, подведем итоги, – Набойченко затушил очередную выкуренную папиросу и прокашлялся. – Еще раз вкратце повторю то, что мы так долго и нудно разбирали, а вы будьте внимательны! Сразу говорите, ежели чего упусти!

– Повторение – мать учения! – назидательно изрек Андрей и скорчил выразительную гримасу.

– Не ерничай, острослов! – улыбнулся капитан. – А то заставлю на досуге изучать матчасть!

– Мне нельзя, Геннадий Анатольевич, я контуженый! Ненароком сломаю чего-нибудь!

– А я подберу такое, что уже сломали до тебя! Тут недалеко в ложбинке подбитый немецкий танк стоит, видел?

– Обижаете, товарищ капитан!

– Вот и будешь изучать его ходовую – расположение веду-

щих колес, количество опорных катков, их массу и размеры, ну, и так далее!

— А что вы имеете в виду под словом «масса»? — наклонив голову проникновенно спросил старшина.

— Как что? Сколько они весят в килограммах, по отдельности, конечно! Демонтируешь колесики, перетащишь сюда поближе...

— То есть круглое носим, квадратное катаем! — перебив командира, с притворной радостью воскликнул Андрей!

— Совершенно верно! — рассмеялся Набойченко.

— Тогда я лучше заткнусь и послушаю своего капитана!

Овечкин сложил руки на столе, будто школьник за партой, и подобострастно уставился прямо перед собой. Он выглядел настолько комично, что Сергей Поздняков, с изумлением мысленно отметивший показавшуюся ему весьма странной манеру общения старшины с непосредственным командиром, не сдержался и прыснул в кулак. Следом расхохотались и остальные.

Когда веселье немного утихло, Набойченко смахнул пальцами непроизвольно выступившие на глазах слезы, отхлебнул чая из кружки и перешел к делу:

— Значит, что мы имеем? Вчера гитлеровцы сбили и взяли в плен нашего летчика старшего лейтенанта Александра Макаровича Кишенина. Его держат в сарае и по информации, полученной от партизан, завтра утром должны отправить в штаб, который находится в райцентре. Из деревни поначалу

туда ведут две дороги – одна через лес, другая в обход массива. Какую выберут фашисты – неизвестно, поэтому засаду надлежит устроить в поле, где затем обе дороги соединяются. Место достаточно открытое, хорошо простреливается. Но тут есть и свой плюс. Миновав, неважно, каким путем, таящий опасности лес и вырвавшись, так сказать, на оперативный простор, гитлеровцы неизбежно расслабятся. Здесь вы за жабры их и возьмете!..

Капитан сделал из кружки еще глоток и продолжил:

– Думаю, летчика повезут на грузовике, с ним в кузове несколько конвоиров и офицер в кабине. Само собой, пара мотоциклов сопровождения, естественно, с пулеметами. Могут, конечно, еще выделить бронетранспортер «Ганомег» с солдатами, гадать без толку...

...Ваша группа состоит из десяти человек, включая командира. На время операции вы подчиняетесь лично ему. За час до заката выдвинетесь по нашему левому флангу в сторону леса, пересечете его, обойдя болото в четвертом квадрате, и затем упретесь в овраг, по дну которого и выйдете к реке, переплывете ее на плотях, дальше через сосновый бор и к рассвету будете на месте. В отряд входят два сапера, это на случай минных полей. Они же установят фугас на маршруте следования гитлеровской колонны. Есть, само собой, и радист, так что без связи не останетесь...

– Вы упомянули про плоты, товарищ капитан, – начал было Поздняков, но командир роты остановил его успокаива-

ющим жестом.

– Плуты к вечеру будут готовы! Ими занимается взвод Чистякова! Кстати, его бойцы вас подстрахуют во время переправы! Еще вопросы?

– Нам бы с командиром группы пообщаться в спокойной обстановке, нюансы разные обсудить заранее, – почесав затылок, произнес старшина.

– Безусловно, – кивнул Набойченко. – Лейтенант Степанов скоро появится, с ним и поговорите!

– Степанов, Степанов, – пробормотал Андрей, – а кто это?

– А это я! – раздался звонкий молодой голос.

...Вошедшему в землянку лейтенанту было лет двадцать, не больше. Новенькая, с иголки форма отлично сидела на его ладно скроенной фигуре. Начищенные сапоги так блестели, что, казалось, в них, как в зеркале, можно увидеть собственное отражение. Молодцевато сдвинутая на затылок фуражка добавляла облику Степанова лихости и некоторой бесшабашности...

– Виктор Николаевич, ты, как всегда, пунктуален! – удовлетворенно произнес Набойченко, взглянув на свои часы.

Он пружинисто встал из-за стола, подошел к лейтенанту и крепко пожал ему руку. Затем, обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

– Ладно, молодежь, знакомьтесь, общайтесь, а я поскакал! Комбат Деменев после ужина отправится на совещание к командиру полка. Хочу сейчас Иванычу мозги прокомпости-

ровать, чтобы договорился со штабными насчет артиллерийской поддержки, если она вдруг вам понадобится!

— А мне чем заниматься? — ехидно спросил Андрей.

Очевидно, тридцатилетний старшина причислял себя к людям старшего возраста, но его вопрос остался без ответа. Набойченко коротко махнул на прощание рукой, направился к выходу, и через несколько секунд закутанный в плащ-палатку силуэт капитана уже растворился за густой пеленой внезапно усилившегося дождя...

* * *

...Большой черный жук, перебирая тремя парами конечностей и безостановочно шевеля длинными тонкими усами, неторопливо взбирался по набравшему сок крепкому стеблю пижмы.

Возможно, его интересовали начавшие формироваться соцветия растения, или привлекал характерный запах листьев, или что-то еще. Как бы там ни было, жук продолжал свой путь вверх и не обращал внимания на притаившегося совсем рядом в траве человека со снайперской винтовкой в руках. Этим человеком был Сергей Поздняков...

...За вчерашний вечер и прошедшую ночь советская боевая группа преодолела в общей сложности более двенадцати километров, благополучно миновала гитлеровские дозоры и минные поля, к рассвету вышла в заданный квадрат, и

уже почти шесть часов диверсанты в маскировочных халатах находились в засаде на территории, давно контролируемой противником. Поднявшийся утром ветер разогнал тучи, выглянуло теплое летнее солнце. Поэтому восемь человек, возглавляемые лейтенантом Степановым, залегли цепью в поле метрах в двадцати пяти от дороги таким образом, чтобы яркие лучи небесного светила согревали им спины и не слепили глаза. Что касается старшины Овечкина, то он занял позицию на противоположной стороне грунтовки, укрывшись за массивным валуном.

...В общем-то, это было неправильно, поскольку во время боя пули его товарищей помимо фашистов запросто могли поразить самого Андрея. И ранее по данному поводу между Степановым и старшиной произошел весьма эмоциональный разговор, правда, на пониженных тонах. О чем они беседовали, история умалчивает, но, видимо, Овечкин убедил своего оппонента, хотя и не полностью, потому что лейтенант очень скоро неопределенно покачал головой и направился к остальным бойцам. А довольный Андрей, взявший на задание винтовку СВТ-40 с оптикой вместо ППШ, потопал к «своему» валуну, очевидно, находившемуся здесь еще со времен ледникового периода...

...Итак, время неумолимо шло, солнце припекало все сильнее, а гитлеровцев, перевозящих летчика Киршенина, до сих пор не было. Проселочная дорога выглядела пустынной, лишь изредка по ней в обоих направлениях неспешно

проезжали одиночные немецкие мотоциклисты.

Лейтенант Степанов ежеминутно подносил к глазам бинокль, обозревал окрестности и беззвучно матерился, о чем красноречиво свидетельствовали характерные движения его губ. Он явно нервничал, и это волнение постепенно передавалось и другим. Атмосфера потихонечку накалялась, градус напряжения рос. Создавалось ощущение, что даже воздух над полем словно наэлектризован, еще чуть-чуть – и шибанет!..

Но, как часто бывает, в момент, когда напряжение почти достигло апогея, со стороны леса, до которого было около километра, послышался медленно усиливающийся гул моторов.

– Ну, наконец-то, дождались! – воскликнул Степанов, очевидно, что-то разглядев через окуляры своего бинокля. – Появилась колонна! Два мотоцикла, а между ними броневик и грузовик, как просили! Едут наши пруссаки, лебедку им вгрызло!

– Ты уверен, Витя, что те самые? – совсем не по-уставному спросил его расположившийся справа ефрейтор, по возрасту годившийся лейтенанту, как минимум, в отцы. – Видишь пилота?

– В кузове сидит, родимый! На нем форма советская летная и здоровый синяк под глазом! Я фонари таких размеров даже в кино не видал!

– Значит, пора готовить аппарат, – произнес ефрейтор,

ласково поглаживая корпус машинки для дистанционного подрыва взрывчатки.

– Готовь, Семеныч, – откликнулся лейтенант, – тебе первым начинать! Рванешь головной мотоцикл, а мы подключимся следом!

– Это само собой, – пробормотал Семеныч.

...Между тем вереница разномастной вражеской техники приближалась. Теперь уже и Поздняков в свой оптический прицел различал не только Киршенина, которого сразу же узнал, но и гигантский лиловый кровоподтек на его лице. Напротив летчика в кузове грузовика сидели двое гитлеровцев. Они выглядели расслабленными, как и пулеметчики в мотоциклетных колясках. Более того, стрелок немного отставшего хвостового мотоцикла, если судить по его раскачивающейся голове, похоже, дремал. По всему выходило, что фашисты, благополучно оставив позади лесной массив, успокоились и нападения в чистом поле не ожидали.

В общем, все было так, как и говорил Набойченко. Капитан ошибся лишь в одном. Вместо полугусеничного «Ганномага» в составе небольшого кортежа следовал двухосный «Хорьх», вооружение которого состояло из пулемета «MG-34» калибра 7,92 мм. Находившийся в открытой башенке легкого броневедомоцикла немец, в отличие от сослуживцев, изредка все-таки глядел по сторонам, но делал это как-то слишком уж лениво. За что вскоре и поплатился, как, впрочем, и остальные...

Когда двигавшийся впереди мотоцикл поравнялся с росшей на обочине березкой, служившей для Семеныча ориентиром, ефрейтор вдавил рычаг в корпус подрывной машинки. Гроыхнуло так, что, наверное, было слышно и в райцентре, то есть километрах в десяти отсюда!

Только мгновение назад неторопливо катившийся по грунтовке мотоцикл исчез в облаке огня и дыма. Механик-водитель ехавшего вторым «Хорьха» среагировал молниеносно, резко отвернув влево. И тем самым допустил фатальную ошибку ведь именно с этой стороны в поле и затаились наши бойцы! Больше сделать в своей жизни гитлеровец уже ничего не успел – пуля, выпущенная Поздняковым, влетела в не закрытое бронированными заслонками прямоугольное смотровое окошко, прорезанное в лобовой части корпуса «Хорьха», и пробила фашисту переносицу. Командир броневика судорожно вцепился в рукоятку пулемета, намереваясь открыть огонь, но его опередил Андрей Овечкин, сразив противника метким выстрелом в затылок. Сняв передними колесами траву, неуправляемый «Хорьх» замер на обочине.

Еще один взрыв, на сей раз осколочной ручной гранаты, значительно более тихий и приглушенный, отправил к праотцам экипаж замыкающего мотоцикла. И тотчас дружно ударили ПППШ советских диверсантов, превратив в считанные секунды кабину грузовика в хорошее решето и густо нашпиговав свинцом находившихся в ней гитлеровцев! За то

очень короткое время, пока автомобиль с покойником за рулем еще двигался по инерции вперед, Поздняков сумел уложить наповал конвоира, оказавшегося лучшей целью на линии огня.

Другой вражеский солдат, отскочив в сторону и укрывшись за пленным летчиком, выпустил по сержанту длинную очередь из «МР-40», но все пули ушли в «молоко». Сергей в это время перезаряжал винтовку и не мог ответить, а старшина Овечкин не стрелял, опасаясь, что его пуля на такой незначительной дистанции насквозь прошьет фашиста и зацепит пилота, поскольку Киршенин располагался совсем рядом с врагом. Остальные наши бойцы и лейтенант Степанов тоже «молчали», что было вполне объяснимо – ППШ ведь не микроскоп и для точной, практически ювелирной работы не предназначен!..

И похоже, что немец все это прочувствовал и осознал. Он торжествующе улыбнулся, поведя стволом автомата, и длинно сплюнул перед собой. Наверное, единственный оставшийся в живых из всего неприятельского отряда оккупант надеялся воспользоваться русским пилотом, будто живым щитом, и невредимым уйти к своим.

Однако старший лейтенант, видимо, имел собственное мнение на этот счет, потому что он, покачнувшись и якобы лишившись сил, абсолютно естественно завалился вправо и, наклонившись вперед, резко и неожиданно двинул здоровой ногой под дых гитлеровскому солдату! Тот, отлетев к задне-

му борту, захлебнулся от пронзившей все тело невероятной всепоглощающей парализующей боли и, судорожно глотая широко открытым ртом воздух, сложился едва ли не пополам.

А в следующий момент старший лейтенант Киршенин, несмотря на связанные веревками за спиной руки и раненое бедро, преодолел широкими прыжками разделявшее его и немца расстояние, подобно ракете взвился над дощатым покрытием кузова и с яростным ревом врезался плечом тому в ключицу! Фашист, издав клопочущий горловой звук, кувыркнулся через борт, а старший лейтенант, вывалившись за ним, приземлился согнутыми коленями точно на спину пытавшегося встать гитлеровца. Раздался противный хруст, и солдат, коротко вскрикнув, безжизненно распластался на земле. Киршенин же с перекошенным от боли лицом откатился в траву.

По приказу Степанова сразу четверо бойцов кинулись ему на помощь. А их молодой командир встал, деловито отряхнулся и, взглянув на часы, удовлетворенно сказал подошедшему сержанту Позднякову:

– На все про все ушло приблизительно тридцать секунд! И счет пока десять ноль в нашу пользу! Замечательно, едрена корень!

– Да, хорошо сработали, грамотно! – согласился Сергей. – Дальше что будем делать?

– Сматывать удочки! – усмехнулся лейтенант. – Быстрень-

ко соберем трофеи – и домой!

– Тем же путем пошлепаем, что и сюда?

– Еще не знаю, – пожал плечами Степанов. – Есть у меня одна мыслишка насчет гитлеровской машины, но вначале надо внутри там прибраться и попробовать ее завести! Если получится, то поедем с комфортом и речку потом форсируем, я думаю, без проблем! Короче, увидишь!..

Лейтенант, пижонски зажав автомат под мышкой и фальшиво насвистывая некую бодрую мелодию, быстрыми шагами пошел к дороге. Поздняков направился следом за ним...

Глава 3

...Фельдфебель Герман Хаген, укрывшись за выложенными практически по кругу в несколько рядов мешками с песком и прижав к глазам полевой бинокль, напряженно смотрел вдаль, пытаясь скорее мысленно, нежели взглядом проникнуть за пологие вершины тянувшихся нескончаемой вереницей зеленых холмов. Четверть часа назад именно оттуда, с северо-запада, внезапно донеслись грохот мощного разрыва и приглушенная расстоянием стрельба, очень быстро затихшая. Что там произошло, Хаген, естественно, не знал и, пребывая в неведении, весьма тревожился, хотя и без этого оснований для беспокойства хватало с избытком...

...В подчинении фельдфебеля находились восемь солдат. Они круглосуточно охраняли паромную переправу, состоявшую из деревянного плота и натянутого через водную преграду толстого каната, проходившего сквозь ограждение импровизированного парома по всей его длине и обоими концами закрепленного на противоположных берегах реки. Данное плавучее средство приводилось в движение с помощью мускульной силы человека, то есть располагавшиеся на плоту люди просто тянули руками трос. За один рейс через реку могли переправиться пятнадцать-двадцать солдат, что, на первый взгляд, было чрезвычайно удобно для заброски разведывательно-диверсионных групп в расположе-

ние советских войск. Однако паром постоянно стоял на приколе! И объяснение было очень простым.

Все портил тот непреложный факт, что на другом, восточном берегу частей вермахта не было и в помине! Сразу за рекой простиралась ничейная даже не полоса, а довольно обширная территория, значительную часть которой занимали труднопроходимые болота и леса, куда немцы, образно выражаясь, боялись и нос сунуть, а русские, наоборот, чувствовали себя там, как дома!

За те три с половиной недели, что Герман Хаген командовал своим небольшим отрядом, в результате неприятельских обстрелов погибли один унтер-офицер и шестеро солдат, а еще двое военнотружущих элементарно пропали без вести. Собственно, и Хаген оказался здесь потому, что предыдущий «начальник переправы» вышел после захода солнца перекурить и бесследно исчез.

Каждый вечер Герман, ложась спать, не был уверен, что утром проснется. И ежедневно, глядя на шумящий за рекой лес, он задавал себе два вопроса. Первый – почему русские до сих пор не перерезали канат на своем берегу? И второй, гораздо более важный – зачем он, фельдфебель Хаген, и его солдаты, рискуя жизнью, караулят это старое и никому не нужное корыто, именуемое в различных донесениях не иначе как речной паром?..

...Армейский грузовик «Opel Blitz», поскрипывая рессорами и выбрасывая из-под колес ошметки грязи, уверенно двигался по размокшей от прошедшего накануне дождя грунтовке.

Устроившиеся в открытом кузове лейтенант Степанов, Александр Киршенин, Поздняков, Овечкин и пятеро бойцов выглядели собранными и внимательными. Четверо красноармейцев были в немецких касках и, отложив в сторону ППШ, держали в руках трофейные «МР-40». Занимавший сиденье водителя в лишенной зеркал и стекол изрешеченной пулями кабине ефрейтор Манохин сосредоточенно крутил руль, объезжая многочисленные выбоины и ухабы. При этом он тихо матерился и неустанно поправлял упорно сползающую с его массивной головы пилотку цвета фельдграу. Расположившийся справа от Манохина тезка Позднякова младший сержант Рогачев искоса поглядывал на товарища, мягко улыбался и изредка машинально касался ребром ладони козырька офицерской фуражки, которая, несмотря на дырку в околыше, выглядела достаточно презентабельно и сидела на своем новом хозяине, будто влитая.

Преодолевая километр за километром, автомобиль удалялся все дальше от места недавнего скоротечного боя. Окружающий пейзаж тем временем поменялся. На смену

ровным полям совершенно внезапно пришли редкие березовые перелески и невысокие холмы, покрытые молодой сосновой порослью. Петлявшая между ними дорога все заметнее шла под уклон, к ароматам травы, листьев и хвои добавился легко узнаваемый характерный запах свежести, и вскоре в каких-нибудь трехстах метрах левее за низкорослым кустарником показалась блестящая гладь реки.

– Ребята, приготовились! – крикнул лейтенант Степанов, складывая карту, с которой только что сверялся, пополам. – Скоро будет развилка, там Манохин остановится! Сидоров и Тимофеев, хватаете «МР-40», неторопливо спрыгиваете на землю, только каски не потеряйте, и сразу закуриваете, своим видом показывая, что мы немцы, и все у нас хорошо! Держитесь спокойно и естественно, не суетитесь! На берегу реки, куда мы едем, засел гитлеровский отряд, по сведениям разведки, численностью до десяти человек. Сто процентов они будут пристально наблюдать за нами. И от вас во многом зависит, поведутся ли фрицы на наш маскарад! Поняли?

Оба бойца, к которым обращался лейтенант, синхронно утвердительно закачали головами, мол, все ясно, командир!

– Хорошо, – произнес лейтенант, – теперь дальше! Высадив парней, мы свернем налево, к речке. Подбираемся к фашистам как можно ближе и по моей команде открываем огонь! Снайперы выбирают цели, находящиеся в укрытиях и труднодоступные для остальных. В общем, разбираемся с врагом и на плоту, который стоит у берега и используется в

качестве парома, уходим! Вот, собственно, и все.

Степанов обвел взглядом подчиненных и, убедившись, что вопросов не имеется, наклонился к пустому проему заднего окна кабины, чтобы отдать соответствующие указания Манохину и Рогачеву...

* * *

...Неожиданно возникший и постепенно нарастающий шум автомобильного мотора заставил фельдфебеля Хагена еще больше сконцентрировать внимание на подъездной дороге. Однако стремительно ворвавшийся в объективы бинокля грузовой «Opel Blitz» все равно вынудил Германа инстинктивно вздрогнуть.

— Откуда же ты взялся такой красивый? — пробормотал он удивленно, рассматривая бесчисленные пулевые отверстия в крыше и дверях кабины.

Действительно вид был такой, словно эта часть машины вернулась из преисподней, зато боковины капота, облицовка радиатора и полукруглые штампованные крылья, по крайней мере, визуально, почти не пострадали, да и деревянные борта кузова каких-либо заметных повреждений не имели.

«Очень странно, — думал Герман, продолжая наблюдать за приближающимся автомобилем, — офицер и водитель, кажется, чувствуют себя неплохо, хотя, если судить по количеству дырок в кабине, в ней никто не должен был уцелеть!

Впрочем, тела погибших могут лежать в кузове, места там предостаточно, хватит на всех. Но удивительно, почему не воспламенился бензобак?!»

Ведомый разгорающимся любопытством, Хаген и сам не заметил, как покинул свое укрытие. Оказавшись на открытом пространстве, он окинул взглядом солдат, уже приготовившихся к бою в вырытой на берегу траншее, одобрительно причмокнул и, повинувшись некому странному порыву сделал несколько шагов в направлении подъехавшего к разветвлению дорог грузовика.

Тем временем машина плавно сбросила ход и остановилась. Из кузова на землю вяло и лениво спустились двое автоматчиков в маскировочных халатах. Отойдя в сторону они по очереди закурили и расположились на траве, повернувшись спинами к охранявшему переправу маленькому гарнизону. А водитель включил передачу и «Opel Blitz» медленно покати к реке.

«А вдруг это русские в наших касках? – пронзила мозг Германа стремительная мысль, заставившая его остановиться, но он тотчас ее отбросил. – Нет, маловероятно! В лоб среди бела дня и еще прямо на пулемет, не смертники же они, в самом деле! Да и те двое, которых высадили, сидят и дымят себе спокойно, не опасаясь пулю получить в хребет! Наверное, это какой-нибудь наш разведывательный отряд! Сбились с дороги, возможно, чуть раньше нарвались на партизан! Такое вполне могло быть! Сейчас все узнаю!»

И Хаген, самоуспокоенный собственными доводами и рассуждениями, приветливо улыбаясь, торопливо пошел на-встречу сокращающему дистанцию грузовику...

* * *

— Гляди, Вениаминович, он ничего не подозревает и еще скалится, лишенец! — возбужденно произнес Степанов, легонько толкнув в бок примостившегося рядом Андрея, и кивком головы показал на едва ли не бегущего к машине фельдфебеля. — Значит, сработал наш план!

— Не уверен, другие-то фашисты сидят с оружием наизготовку, — пробурчал Овечкин. — И не называй меня по отчету, я ведь еще вчера просил!

— Ворчун ты, старшина, каких поискать! — усмехнулся лейтенант, преувеличенно радостно махая рукой гитлеровцу, до которого было уже менее тридцати метров.

Андрей ничего не ответил, а Виктор передернул затвор невидимого для противника ПППШ и поудобнее устроился возле левого борта. Тем временем немец оказался уже совсем близко и, продолжая улыбаться, крикнул на своем родном языке:

— Привет! Я вижу, крепко вам досталось!

— Гораздо меньше, чем тебе, тупица! — по-русски отозвался Степанов и резко вскочил на ноги.

Нажав на спусковой крючок, он выпустил в фельдфебеля

короткую очередь едва ли не в упор и во всю мощь своих легких заорал:

– Огонь, ребята!

Сраженный лейтенантом гитлеровец еще только падал в траву, а уже разом «заговорили» несколько ППШ, осыпая находившихся в траншее неприятельских солдат градом пуль. Несколькими секундами позже в кузове раздался отрывистый винтовочный выстрел – это Поздняков, выпрямившись и опершись локтем о крышу кабины, срезал изготовившегося к стрельбе вражеского пулеметчика, опередив того на считанные мгновения. Второй номер расчета «MG-34» оттолкнул обмякшее тело напарника, намереваясь занять его место, но тут же сам рухнул на дно окопа, получив кусок свинца между глаз.

– Семьдесят второй, – лишенным эмоций голосом прошептал Андрей.

В отличие от охваченного азартом Позднякова, о чем красноречиво свидетельствовали покрасневшее лицо и горящие глаза юноши, старшина выглядел абсолютно бесстрастным...

А бой между тем продолжался. Гитлеровцы, до чьих оборонительных сооружений нашим бойцам оставалось преодолеть лишь несколько десятков метров, быстро оправились от первого шока и начали огрызаться. Не менее дюжины пуль пробили радиатор, одно из крыльев и вырвали деревянные щепки из переднего борта, чудом никого не зацепив.

– Бегом из машины! – крикнул лейтенант Степанов в заднее окошко кабины, обращаясь к Манохину с Рогачевым, и характерным жестом повторил свой приказ для остальных.

В считанные мгновения кузов и кабина грузовика опустели, и теперь уже никем не управляемый «Opel Blitz», получая все новые пробоины, продолжал катиться на нейтральной передаче под горочку в сторону реки. Сминая траву и редкие кусты, двухосная махина вскоре достигла немецких позиций, словно игрушку раздавила оставшийся бесхозным пулемет и, наконец, съехав передними колесами в траншею, замерла.

За это незначительное время бойцы Степанова, продолжая вести огонь, сумели рассредоточиться и укрыться за холмиками и бугорками. И, как часто бывает, в пылу сражения забыли про старшего лейтенанта Киршенина, вместе со всеми выпрыгнувшего из машины, неудачно приземлившегося на раненую ногу и в данный момент спрятавшегося в неглубокой воронке и пытавшегося остановить вновь открывшееся кровотечение. Впрочем, сейчас было не до него...

...Так успешно развивавшаяся вначале атака, похоже, стала захлебываться. Выбить наскоком фашистов из окопов не удалось, ринуться на противника в полный рост сейчас означало понести неминуемые потери, а ввязываться в затяжное боестолкновение для советских диверсантов было непозволительной роскошью, поскольку в любую минуту к противнику могло прибыть подкрепление со всеми вытекающими

отсюда последствиями. По той же причине не представлялось возможным и отступить – гитлеровцы, скорее всего, уже выдвинули мобильные группы на поиски отчаянных русских и отрезали наш отряд от раскинувшихся на горизонте лесов. Выражаясь языком шахмат, сложилась патовая ситуация, но при этом одна из сторон испытывала еще и сильнейший цейтнот. Нужно было что-то решать, и чем быстрее, тем лучше...

Именно такие или подобные мысли сумасшедшим калейдоскопом вертелись в голове лейтенанта Степанова, мучительно искавшего выход, но с каждым разом снова и снова заходившего в тупик.

«Может, все-таки стоит кинуться вперед? Стремительным рывком пересечем голый участок и добежим до траншеи, а в рукопашной мы их точно порвем! – размышлял Виктор, инстинктивно вжимаясь в землю под аккомпанемент пролетающих над ним вражеских пуль. – Нет, я уже отмел этот вариант, он не годится! Будет слишком много потерь! Снова повторяюсь! Но как же быть, твою мать!? Ничего лучше в голову не идет!»

Не находя решения, Степанов, наплевав на осторожность, приподнялся над травой и принялся следить за гитлеровцами, чьи *каска* иногда мелькали над бруствером траншеи.

– Из ППШ их не возьмешь, маловата цель, нужен миномет, – вслух прошептал лейтенант.

И тут его осенило!

– А почему молчат снайперы? – воскликнул он так громко, что вздрогнул сам. – Работа как раз для них! Заснули там, что ли?

Ответом на его вопрос стали два выстрела, раздавшиеся практически в унисон. Неосмотрительно выглянувший из-за насыпи, видимо, любопытный фашист нелепо взмахнул руками и с залитым кровью лицом сполз на дно окопа. Стрельба, будто по волшебству, сразу утихла. Над ареной боя повисла обволакивающая тишина. И Виктор в этот момент отчетливо осознал, что, как бы он ни противился мысли совершить бросок по открытому простреливаемому пространству до позиции противника, все же придется рискнуть.

Рывком оторвав тренированное тело от земли, он набрал в грудь воздуха, чтобы поднять своих парней в решительную и, возможно, для кого-то последнюю атаку, однако не успел, потому что внезапно в прибрежных кустах грянуло дружное «Ура!», потонувшее в треске автоматных очередей и разрывах гранат. Немецкую траншею заволокло облаком серого дыма, очень быстро рассеявшегося, и взору Степанова, а также и других бойцов, предстали возвышающиеся над частично осыпавшимся бруствером монументальные фигуры Сидорова и Тимофеева, которые незаметно для противника обошли гитлеровцев с фланга, скрытно подобрались на дистанцию броска гранаты и одним ударом решили исход боя!

– Уф! – выдохнул лейтенант, стараясь унять неожиданно возникшую дрожь в ногах. – Кажется, пронесло!

Исподволь отерев крупные холодные капли пота, выступившие на лбу, Виктор неторопливо двинулся вперед, к реке, остальные потянулись за ним. Со стороны могло показаться, что лейтенант абсолютно хладнокровен, и чувство страха ему не знакомо. Однако многоопытные вояки старшина Овечкин и ефрейтор Семеныч, шедшие позади и поддерживавшие раненого летчика Киршенина, с полувзгляда разглядели скованность и некоторую угловатость в походке молодого командира, перемещавшегося, что называется, на «ватных ногах». Но о своих наблюдениях они никому не собирались говорить...

Глава 4

...Благополучно форсировав реку и совершив часовой переход через лес, советский отряд вышел к месту дислокации наших войск. Тепло попрощавшись с Киршениным, Степановым и его людьми, Поздняков и Овечкин направились в расположение своей роты.

Оказавшись в землянке, снайперы переоделись, немного перекусили, попили чайку и, как выразился Андрей Вениаминович, «почесали на доклад к начальству». Командира они застали за не совсем типичным для второй половины дня занятием – Набойченко с упоением брился и так был поглощен этой процедурой, что, казалось, не замечал никого вокруг. Чтобы не мешать командиру, старшина с сержантом отошли в сторонку, присели на ствол поваленного дерева и завели неспешный разговор.

– Скажи, Андрей, а чем ты до войны занимался? – спросил Поздняков товарища, памятуя, что тот просил обращаться только по имени.

– Работал потихоньку, – ответил Овечкин и деловито почесал макушку, – на авиационном заводе в Москве.

– А что вы там делали?

– Понятное дело, самолеттики собирали, – улыбнулся Андрей, – с крылышками, пропеллером и колесами!

– Здорово! – сделав ударение на первый слог, с восхище-

нием произнес Сергей. – А знаешь, я всегда мечтал оказаться в кабине пилота, хотя бы и на земле, да пока так и не получилось!

– Эка проблема! – усмехнулся старшина. – Вот пойдем в наступление, захватим какой-нибудь вражеский аэродром, и все самолеты твои, сиди, сколько влезет, хоть целых четыре дня!

– Тебе все шуточки, Андрей, а я ведь на полном серьезе! – нахмурившись, пробурчал Поздняков.

– Ну ладно, не дуйся! – извиняющимся голосом сказал Овечкин. – И в мыслях не держал тебя обидеть!

Он потрепал товарища по плечу, увидел, что пересекавшие лоб молодого человека морщины исчезли, и продолжил:

– Насчет четырех дней – это я, действительно, погорячился, а вот по поводу аэродрома и не собирался хохмить! На войне всякое может случиться! Глядишь, и сбудется твоя мечта! Кстати, тебе лет-то сколько, кавалер?

– Восемнадцать с половиной! – с некоторым вызовом произнес Сергей.

– Так и не печалься! Какие твои годы! Целая жизнь впереди!

– Это если фрицы не укокошат! – с легким оттенком грусти улыбнулся Поздняков.

– А ты, Сережа, подобные мысли в голове не держи! – сказал, как отрезал, Андрей. – Можно и в мирное время под трамвай угодить!

– В нашем селе трамваи не ходят, разве что трактора СТЗ-З!

– Так то ж вообще жуть! – с наигранным испугом воскликнул Овечкин и скорчил выразительную гримасу. – Гусеницами вжик-вжик – и привет!

– Ох, веселый ты человек, Андрей! – рассмеялся Сергей. – Позитив так и хлещет, извини за высказывание, изо всех щелей!

– А иначе никак, мой друг! По-другому кранты!

– Только не всегда понятно, шутишь ты или говоришь всерьез!

– Ничего, со временем разберешься! – ухмыльнулся Андрей, с удовлетворением про себя отметив, что юноша уже вполне освоился и «тыкает» старшему товарищу без особого напряжения. Придя к данному выводу, Овечкин решил сменить тему беседы.

– Сейчас я тебе расскажу, Сережа, как на фронт попал! – лукаво прищурившись, произнес он. – Зуб даю, скучно не будет!

– Внимательно слушаю, мой командир! – отчеканил Поздняков, тем самым частично копируя поведение Андрея во время его вчерашнего разговора с капитаном Набойченко.

– Значит, вот как было дело, – начал старшина, сделав вид, что не заметил подколки со стороны Сергея. – Когда грянула война, я работал на авиазаводе, ну, ты в курсе, и мне дали бронь. Но я мужик-то здоровый и не собирался отсиживать-

ся в тылу! Потом просто не смог бы людям в глаза смотреть! В общем, пошел к директору завода...

– Орлы, хватит лясы точить! Время не ждет! – слышался бодрый голос Набойченко, вынудивший Андрея прервать свое повествование.

– Ладно, потом поболтаем! – сказал он и заговорщицки подмигнул Позднякову. – Негоже заставлять Анатолеви́ча ждать, а то на ужин еще опоздает!..

Поднявшись с дерева, напарники двинулись к ожидавшему их командиру. Не доходя трех шагов, Сергей попытался было принять строевую стойку, но капитан характерным жестом остановил юношу.

– Наслышан я о ваших свершениях, хлопцы, наслышан! – воскликнул Набойченко, дружески пожимая руки снайперам. – Витя Степанов мне все уже в красках живописал!

– Это Сергей Сергеевич расстарался! – без тени иронии произнес Овечкин. – Уложил в «Хорьхе» водителя, еще одного немца в машине и двоих фрицев на берегу!

– Да я, вроде, как все, – отчаянно засмутившись и чувствуя, что краснеет, пробормотал Поздняков. – А фашиста в траншее мы вместе с товарищем старшиной подстрелили...

– Нет, ты пальнул раньше, я видел! – категорично заявил Андрей и, улыбнувшись, погрозил юноше пальцем. – Не скромничайте, уважаемый Вильгельм Телль! Начальство должно знать героев в лицо!

Вконец растерявшись от сыплющихся на его голову по-

хвал и не понимая, что в такой ситуации нужно говорить, Сергей молча развел руками и опустил глаза. Ему было чрезвычайно неловко, хотя он и сам не осознавал, почему. Но тут на помощь юноше пришел капитан, очевидно, прочувствовавший состояние Позднякова.

– Ладно, Андрей Вениаминович, хватит парня в краску вгонять, – сказал Набойченко, взглядом остановив явно готового продолжать свои хвалебные речи старшину. – Уверен, у тебя еще будут для этого поводы, и не раз! В хорошем смысле, конечно!

– Как скажете, товарищ капитан! – ничуть не обидевшись и продолжая улыбаться, откликнулся Андрей.

– Пока вы ходили на задание, у нас тут кое-что случилось, – продолжил Набойченко, круто изменив направление разговора. – Получен приказ из штаба фронта о переброске нашей дивизии на левый фланг армейской группировки. Официальная версия – плановая ротация частей и все такое, не суть! Короче, через пару деньков всем надлежит быть готовыми к переезду, а посему, ребята, мотайте на ус!

– Вот обрадовали так обрадовали, Геннадий Анатольевич! – моментально изменившись в лице, расстроено воскликнул Овечкин. – Как же так получается, едрена мама? Только здесь обжились, обосновались, можно сказать, корни стали пускать – и на тебе, опять на новое место валить! В чем хоть истинная причина-то, а?

– Не ко мне вопросы, Андрей! Хочешь, сам в штаб смо-

тайся и расспроси их, что и зачем!

– Издеваетесь, товарищ капитан, – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнес старшина.

– И не думал! – покачал головой Набойченко. – Я ведь тоже не в глубоком восторге, но приказ есть приказ! И мы будем его выполнять!

– Так никто и не спорит! Просто, – Овечкин замялся, подбирая нужные слова, – все как-то сразу и неожиданно!

– Ну, прости! – мягко улыбнулся капитан, наклонив голову вбок.

– Да это я чего-то завелся ни с того, ни с сего! – понуро сказал Овечкин. – И что на меня нашло, Анатолевич, не возьму в толк!

– Ты просто устал, Вениаминович, морально вымотался!

– Похоже на то! – согласился Андрей.

– И поэтому вы, товарищ старшина, под чутким руководством сержанта Позднякова сейчас возвращаетесь в свою землянку и ложитесь спать зубами к стенке! Но сначала обязательным порядком употребите внутрь минимум полкружки спирта! – скомандовал капитан и рассмеялся.

– Слушаюсь, товарищ лучший командир роты! Разрешите выполнять? – моментально преобразившись, скороговоркой выпалил Овечкин.

И, не дожидаясь ответа Набойченко, схватил за локоть Позднякова и потащил за собой. Сергей вновь, хоть и значительно меньше, чем накануне, удивленный довольно свое-

образной манерой Овечкина вести разговор с капитаном, не сопротивлялся и, погружившись в собственные мысли, покорно шел следом. Что касается Геннадия Анатольевича, то он, интуитивно почувствовав некий подвох в заключительных словах старшины, замер на месте и сосредоточенно пытался сообразить, что же его беспокоит в этих двух сказанных Андреем фразах.

Когда же до него, наконец, дошло, оба снайпера были уже далеко!

– Ах ты, жук языкастый, балагур хренов, – тщетно пытаюсь сдержать расплывающуюся по лицу улыбку, прошептал капитан. – Ну, ничего, я тебе покажу «товарищ лучший командир роты»! Точно будешь изучать у меня матчасть!..

* * *

...Через несколько дней после описанных выше событий батальон майора Деменева, в состав которого входила рота капитана Набойченко, перебазировался на двадцать километров южнее. Прибыв на новое место, бойцы принялись обустриваться в добротных блиндажах, сооруженных их предшественниками на окраине давно оставленной мирными жителями наполовину разрушенной деревни.

Сразу за околицей начинались траншеи полного профиля, соединенные между собой, а также с затянутыми маскировочными сетями минометными окопами и уже упомяну-

тыми блиндажами и извилистыми ходами сообщения. Что касается противника, то позиции частей вермахта располагались на удалении чуть более одного километра от нашего переднего края, и противоборствующие стороны разделяло лишь густо покрытое воронками и усеянное остовами подбитых танков и бронемашин зарастающее бурьяном поле, являвшееся молчаливым свидетелем гремевших здесь в начале весны кровопролитных ожесточенных боев...

...Сейчас же, в теплый июньский полдень, все вокруг было тихо. И в то время как подчиненные налаживали свой скромный фронтовой быт, комбат Деменев вместе с командирами рот, поочередно сменяя друг друга возле установленной на наблюдательном пункте стереотрубы, изучал местность, пытаясь, хоть и с погрешностью, определить приблизительное количество и расположение сил и огневых средств неприятеля.

– Что скажешь, Ефим Данилович? – оторвав глаза от блокнота, в котором он делал некие пометки, спросил майор Деменев, обращаясь к высокому сутулому капитану Самохину, как раз уступившему свое место у стереотрубы Геннадию Набойченко.

– Да, в общем, кроме того, о чем уже рассказал командир третьей роты, я ничего нового вроде и не увидел, Дмитрий Иванович, – пожав плечами, задумчиво ответил Самохин. – Разве что те деревья, которые за кустами около сгоревшей грузовой машины вповалку лежат, странные они какие-то...

– А что в них такого необычного, Ефим Данилович? – встрепенувшись, задал вопрос перекуривавший в сторонке старший лейтенант лет двадцати пяти, выделявшийся среди остальных присутствующих ярко-рыжей шевелюрой. – Снарядом, наверняка, и срубило! Может быть, тем же самым, что и в грузовик попал!

– Не скажи, Пал Палыч, не скажи, – покачал головой Самохин, адресуя свои слова рыжеволосому старшему лейтенанту, как раз и являвшемуся командиром третьей роты. – Больно удачно они упали, да и просвет между ними уж очень на амбразуру похож! Скорее всего, фрицы там оборудовали еще одно пулеметное гнездо!

– Значит, втроем мы насчитали десять пулеметных точек! – подытожил комбат, жестом остановив Пал Палыча, который был явно готов продолжать дискуссию на тему поваленных деревьев. – Осталось узнать авторитетное мнение Геннадия Анатольевича!

– И вы его сейчас услышите! – оторвавшись от стереотрубы, рассмеялся Набойченко. – Только предупреждаю – можете обидеться! Я ведь режу правду-матку прямо в лоб!

– Ничего, потерпим! Не впервой! – улыбнулся Деменев.

– Тогда слушайте, – посерьезнел Геннадий. – Немецкие траншеи, огневые точки – это все, конечно, хорошо! Но почему никто из вас, уважаемые коллеги, не обратил внимания на то, что само так и бросается в глаза? Я имею в виду танки, размещенные в специально вырытых для них окопах!

Семь штук на левом фланге гитлеровской обороны и четыре на правом!

– Так я же говорил про них! – недоумевающе воскликнул Пал Палыч. – И точное количество назвал! В чем ошибка, не пойму?

– Действительно, Гена! Мы все их видели и по башням со стволами подсчитали! Хотя они сетками и укрыты, но при любом раскладе выходит одиннадцать единиц, не больше и не меньше! – с удивлением произнес Самохин, на уровне подсознания все же начиная догадываться, что где-то допустил промашку

– Да нет, насчет одиннадцати я согласен, – кивнул головой Набойченко, – но только не танки это, а отлично исполненные макеты!

– Почему ты так думаешь? – отрывисто спросил командир батальона.

– У них башенные люки у всех закрыты, и это в такую-то жару! – улыбнувшись, сказал Набойченко и, будто подтверждая собственные слова, вытер тыльной стороной ладони проступившие на лице многочисленные капли пота.

– Ну-ка, дай взгляну, – Деменев быстро шагнул к наблюдательному прибору и наклонился к окулярам стереотрубы.

Где-то с полминуты он молча изучал оборонительные порядки фашистов, а затем, обернувшись к своим подчиненным, произнес:

– А ведь действительно все укупорено, словно в закатан-

ной консервной банке! Не стали бы фрицы у себя в танках парилку устраивать, Анатолевич прав!

– Разрешите вопрос, товарищ майор? – поднял вверх руку командир третьей роты.

– Конечно, Пал Палыч, задавай, – откликнулся Деменев.

– А зачем фашистам нужны макеты? Немцы не идиоты и люди рациональные, они должны осознавать, что наши пушки разнесут эти конструкции за пару минут! И вся проделанная работа накроется медным тазом!

– Думаю, подобным образом они отвлекают наше внимание от настоящих танков, которые спрятаны где-то неподалеку! Возможно, что я не прав, но одно знаю точно – резон у гитлеровцев, безусловно, есть, тут к бабке не ходи!..

Сделав короткую паузу, командир батальона наморщил лоб, будто стараясь поймать некую ускользающую мысль, потом неопределенно махнул рукой и несколькими фразами подвел под состоявшимся разговором черту:

– Ладно, мужики, на сегодня хватит! Возвращайтесь в расположение своих рот и займитесь текущими делами! Жду вас завтра в десять ноль-ноль здесь на КНП, будем дальше противника изучать! Все свободны!

И, повернувшись к Набойченко, добавил:

– А ты, Геннадий Анатолевич, задержись!..

...Когда Самохин с Пал Палычем покинули командирский наблюдательный пункт, Деменев подошел к устроившемуся на грубо сколоченной лавке капитану и присел ря-

дом. Некоторое время оба молчали. Набойченко размышлял о своем, машинально теребя пальцами незажженную папиросу, а Дмитрий Иванович, приоткрыв рот и даже немного высунув язык, что-то напряженно черкал карандашом у себя в блокноте.

Судя по страдальческой гримасе, не сходявшей с раскрасневшегося лица, и бьющейся на виске жилке, данное занятие не доставляло особого удовольствия майору. И когда он, наконец, закончив писанину, отложил в сторону блокнот, то из его груди вырвался вздох облегчения, по громкости и тональности больше напоминавший гудок приближающегося к железнодорожной станции паровоза!

От подобного звука девяносто девять человек из ста наверняка подпрыгнули бы на месте, однако капитан Набойченко в их число точно не входил! Он всего лишь неторопливо повернул голову и ровным голосом спросил:

– Вы что-то сказали, Дмитрий Иванович?

При этом выражение лица командира роты также оставалось спокойным и невозмутимым.

– Нет, Геннадий Анатольевич! Я просто эмоции таким способом выражал! – отшутился Деменев.

– Ясенько, – протянул капитан.

Отработанным движением он извлек из кармана спички и, обнаружив, что коробок пустой, с легким оттенком грусти сказал:

– Кажется, подымить не удастся!

– Не переживай, здоровее будешь! – почесав гладко выбритую щеку, улыбнулся комбат.

– Так ведь тянет, Иваныч, почти два часа уже не курил!

– А ты совсем бросай! Ну что за радость дым глотать, а потом кашлять, никак в толк не возьму!

– Это не радость, привычка, – развел руками Набойченко.

– Так отвыкай! – воскликнул майор. – Бери пример с меня или с этого, новенького, Позднякова! Кстати, как он?

– Хорошо! Пятерых фрицев на свой счет записал!

– То есть пороху понюхал?

– Несомненно, – кивнул головой Набойченко. – И старшина Овечкин парнем доволен! Нахваливает без усталости!

– Похоже, твои орлы сработались! – с удовлетворением произнес Деменев. – А что это значит?

– Что в первой роте вновь есть снайперская пара! – сказал капитан.

– Совершенно верно! И посему, коль скоро на фронте временное затишье и до наступления еще далеко, я решил отправить твоих вольных стрелков на ничейную полосу! Пусть гитлеровцам в окопах нервишки пощекочут!

– Это можно, Дмитрий Иванович! Но только ребятам необходимо изучить обстановку, выбрать места для огневых позиций...

– Само собой, дальше не продолжай! – прервал Набойченко комбат. – Я понимаю, что спешка абсолютно недопустима! Поэтому жду тебя сегодня с ними в пятнадцать часов

здесь, на КНП! Вместе и покумекаем, что к чему!

– Мы будем минута в минуту, – просто ответил капитан...

Глава 5

...Лейтенант Гюнтер Хаген сидел на траве и, подняв голову, отрешенно смотрел, как по бездонному голубому небу величаво плывут невесомые пушистые облака. Настроение у лейтенанта было, мягко говоря, крайне скверным. Час назад он вернулся из полевого госпиталя, где находился его брат, раненый во время нападения русских диверсантов, и увиденное оставило в душе у Гюнтера неизгладимый давящий осадок...

...Герман Хаген лежал без движения на кровати, все его тело было обмотано бинтами. Говорить он не мог, и лишь едва заметно шевелящиеся на бледном лице обескровленные губы да полные страдания глаза давали понять, что это живой человек.

Пожилой врач, с которым беседовал лейтенант, перехватив медика во время планового обхода, исключил вероятность у Германа летального исхода, но в прогнозах на полное выздоровление был весьма сдержан.

– Ранение в плечо болезненное, но не опасное, – усталым голосом отвечал доктор на волнующие Гюнтера вопросы, – а вот другая пуля вошла точно в грудь, и вашему брату, молодой человек, очень повезло, что противник, судя по характеру ранений, стрелял в него, стоящего на земле, сверху вниз, возможно, с бронемашины или грузовика. Именно по этой

причине жизненно важные органы чудесным образом не были задеты. Если бы пули выпустили с высоты человеческого роста, то при угле возвышения оружия, стремящемся к нулю, фельдфебеля Хагена уже ничто бы не спасло...

Врач умолк, переводя дух, но, видя, что лейтенант с нетерпением ждет продолжения, затягивать паузу не стал.

– Мы извлекли пули, прочистили и обработали раневые каналы, наложили повязки, – продолжил он. – Когда Герману станет лучше, отправим его в глубокий тыл. Восстановление может занять несколько месяцев, если не полгода. Здесь все зависит от организма, но вы должны понимать, что такие ранения бесследно не проходят...

Поговорив еще немного, они расстались. Доктор, сославшись на занятость, вернулся к пациентам, а Гюнтер отправился в распоряжение своей части.

Будущей ночью лейтенанту предстояло опасное задание – вместе с подчиненными скрытно подобраться к переднему краю русских и захватить «языка». И сейчас, устроившись на траве и памятуя, что для успешного выполнения боевой операции голова должна быть ясной, он старался привести мысли в порядок, вытеснив из черепной коробки весь скопившийся в мозгу за последние несколько часов негатив...

* * *

...Незаметно опустившаяся на землю июньская ночь бы-

ла тихой и ясной. В прозрачном воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. А на темном безоблачном небе мерцали тысячи далеких звезд. Большая растущая луна плавно взбиралась по небосводу, освещая холодным бледно-желтым сиянием застывшие на поле и отбрасывавшие причудливые тени остовы танков и бронемашин.

Сержант Поздняков, постелив на траву ватник, лежал под днищем «тридцатьчетверки», лишившейся вследствие прямого попадания артиллерийского снаряда в ходовую часть правой гусеницы ленивца и двух опорных катков. Глаза слипались, и Сергей, борясь с обволакивающим разум сном, вспоминал диалог, произошедший между ним и старшиной Овечкиным в траншее на переднем крае, где напарники после захода солнца коротали время в ожидании возвращения саперов, проделывавших в минном поле проход для снайперов...

– Когда займешь позицию, то помни, что впереди еще почти целая ночь, пусть и короткая, но тем не менее! – с расстановкой говорил Андрей. – Тут и звуки кажутся громче, и разносятся они дальше! Поэтому делай все аккуратно и не торопясь! В смысле не размахивай между гусениц винтовкой, не бейся макушкой о нижний люк, при еде не чавкай, а если заснешь, то не храпи, как дрыхнувший в пещере злой великан!

...Старшина, как легко догадался Сергей, нарочно облекал в достаточно шутливую форму некоторые свои высказы-

вания и слова. Его расчет был простым – Поздняков малый неглупый и главный смысл услышанного от старшего товарища, безусловно, поймет, а небольшая порция юмора, что называется, для поддержания хорошего настроения перед серьезным делом еще никому не приносила вреда...

– Я это к тому, – продолжал Овечкин, – что некоторые фашисты, причем в большом количестве, имеют привычку болтаться где ни попадя в темноте и могут случайно на «твой» танк набрести! Ежели их почуешь, то слейся с землей, прикинься бревном или еще чем угодно, лишь бы тебя не засекли! Иначе труды саперов по снятию и установке мин, предстоящее нам с тобой вскоре продолжительное ползание на брюхе в то время, когда нормальные люди уже спят, а также переживания уважаемого капитана Набойченко, который, без сомнения, курит сейчас одну папиросу за другой и губит свое здоровье, – все это пойдет коту под хвост!..

– А если немцы не меня, а тебя обнаружат, тогда что? – поддел Овечкина Поздняков.

– Ну, подобное развитие событий, мой юный друг, маловероятно! – улыбнулся старшина. – Андрей Вениаминович калач тертый, гитлеровцев издалека заметит и что затем делает?

Тут он выдержал театральную паузу, пристально глядя сержанту в глаза.

– Что? – переспросил Сергей.

– Залезет через люк запасного выхода внутрь танка и за-

таится там, словно мышь! – весело рассмеялся Андрей.

– А вдруг этот люк будет закрыт? – не унимался Поздняков.

– Не будет! – уверенно произнес старшина. – Кстати, экипаж «тридцатьчетверки», которую ты выбрал в качестве укрытия, судя по характеру повреждений танка и другим косвенным признакам, выжил после попадания снаряда и покинул обездвиженную машину именно через пресловутое отверстие в ее днище! Так что прими информацию к сведению! И вообще, прекращай задавать провокационные вопросы и слушай, что я тебе дальше скажу!

– Я весь внимание! – улыбнулся сержант.

– Вот и чудненько, значит, продолжу! Если ночь пройдет все же спокойно, тогда и дальше лежим и наблюдаем, как фрицы проводят свой утренний моцион! Пушай они умоются, побреются, сделают гимнастику, короче, выполняют все процедуры согласно утвержденному ихним начальством графику. Немцы педанты и не станут нарушать заведенный порядок без каких-либо веских причин. А поскольку все кругом будет тихо, то заодно и бдительность у наших врагов немного притупится! Мы же начнем работать в десять ноль-ноль, предварительно выбрав цели в своих секторах. Запомни, в десять утра, не раньше! Правда, если до этого часа на горизонте появится, скажем, оберст или генерал, то смело жми на курок! Сам понимаешь, такую крупную рыбу упускать нельзя!..

...«А ведь было бы здорово подстрелить с утречка важную гитлеровскую «шишку»! – удобно лежа сейчас на ватнике среди убаюкивающей ночной тишины, подумал Сергей. – Тогда с учетом эсэсовца-штурмбанфюрера, которого я уложил на первом задании в деревне за речкой, мне, как минимум, объявят благодарность перед всем батальоном, а возможно, и представят к государственной награде!»

Погрузившись в радужные мечты и забыв на время, что находится всего лишь в трехстах метрах от неприятельских позиций, юноша согнул ногу в колене, уперся подошвой сапога в бронированное днище танка и закрыл глаза. Богатое воображение уже начало рисовать в его голове быстро сменяющиеся друг друга яркие картины торжественных мероприятий, в которых главным героем, естественно, будет он, сержант Поздняков, однако внезапно раздавшийся, как ему показалось, прямо над ухом подозрительный звук, очень похожий на человеческий шепот, грубо вырвал Сергея из объятий сладостных грез!

Вздрагнув от неожиданности, снайпер устремил пронзительный взгляд в глубину коварной ночи, одновременно выхватив стоявший на предохранительном взводе пистолет ТТ. Застыв на месте, он несколько показавшихся ему бесконечными мгновений напряженно пытался что-либо разглядеть в блеклом свете луны, ориентируясь в основном на движение, но все было тщетно. Тогда, не опуская оружия, сержант бесшумно отполз к опорным каткам. Прижавшись виском к

холодному диску одного из них и стараясь унять гулкие удары сердца, Поздняков весь обратился в слух и почти сразу же понял, что ему не померещилось, — неподалеку от танка действительно были люди, и они разговаривали по-немецки, о чем недвусмысленно свидетельствовали доносившиеся до юноши обрывки сказанных ими фраз!

Облизнув пересохшие губы, Сергей осторожно взвел курок. Затем переложил пистолет в левую руку, а освободившейся правой медленно подтянул поближе остававшуюся около ватника снайперскую винтовку. Рядом с надежной трехлинейкой Поздняков и себя ощущал спокойнее и увереннее. Хотя отлично понимал, что в ограниченном по высоте и ширине пространстве, в котором он сейчас находился, вряд ли в случае ближнего боя от винтовки будет какой-либо толк.

А вражеские голоса между тем приближались, и снайпер вдруг отчетливо осознал, что из притаившегося в засаде охотника по горькой иронии судьбы он элементарно может превратиться, если уже не превратился, в оказавшуюся в ловушке жертву! Если немцы его обнаружат, то им даже не нужно стрелять, достаточно аккуратненько закатить под танк одну малюсенькую гранату — и, как говорится, пишите письма мелким почерком!

Стараясь найти выход из складывающейся ситуации, Поздняков активно завертел головой. И практически сразу его блуждающий взор уперся в расположенный в днище

«тридцатьчетверки» аварийный люк, чья овальная крышка все то время, что юноша находился под танком, была откинута вниз!

— Как же я так лопухнулся, — едва слышно шептал сержант, стремительно погружаясь в состояние глубокой ярости и злясь исключительно на себя самого, — полночи глядел на открытую крышку и словно не замечал ее. Колдовство, твою мать, не иначе. Что со мной происходит, где были мои мозги? Ведь Андрей с этим люком чуть ли не плешь проел, а у меня, у кретина, все благополучно вылетело из головы. Сейчас уже поздно в танк залезать, лишь шум подниму и врагов привлеку...

В сердцах Поздняков не сдержался и, не думая о губительных последствиях столь опрометчивого поступка, коротко замахнулся, чтобы врезать кулаком по земле и, что называется, хоть немного выпустить пар, но его начавшая движение рука все же замерла на полдороги, потому что внезапно на траву перед танком упала длинная черная тень, и отбрасывал ее человек, находившийся очень близко! И это мог быть только враг!

«Ты спалился, Серега, теперь точно хана!» — истошно и с надрывом завопил кто-то у юноши в голове.

Снайпер так сжал ребристую рукоятку пистолета, что побелели костяшки на пальцах. Но тут возле танка слышался тихий уверенный голос, судя по тону, отдававший некий приказ. Тень резко дернулась в сторону, меняясь в очертани-

ях и размерах, и вскоре исчезла. Обостренный до крайности слух Позднякова уловил едва слышимый звук мягких удаляющихся шагов, быстро растворившийся в ночи. Над равниной повисла густая давящая тишина.

Сергей, застыв без движения и чувствуя, как между лопаток стекают крупные капли пота, минут пять напряженно выжидал, пытаясь уловить малейший подозрительный шорох или шум, однако больше ничто не нарушало безмятежный покой звездной июньской ночи. Поняв, что опасность миновала, сержант облегченно вздохнул и в изнеможении ткнулся лицом в траву...

* * *

«Без четверти два, все идет по плану!» – отметил про себя Гюнтер Хаген, мельком глянув на круглый циферблат наручных часов, тускло отблескивающий в блеклых лучах струящегося с темных небес загадочного лунного света.

Он с удовлетворением покачал головой, поправил каску и осторожно приподнялся на локтях, наверное, уже в десятый раз оценивая окружающую обстановку...

...От места, где залегли лейтенант и его люди, до советских позиций было всего ничего, и, чтобы достичь ближайшей неприятельской траншеи, бойцам вермахта оставалось совершить последний короткий рывок. Но для этого нужно было сначала незаметно расчистить проход через минное по-

ле русских, чем в настоящий момент и занимались посланные Гюнтером вперед саперы.

Остальные тоже не теряли зря времени, используя возникшую паузу для осмотра оружия. Естественно, что каждый солдат и унтер-офицер еще перед выходом на задание тщательно подготовил свою винтовку, автомат или пулемет к предстоящему почти неминуемому бою. Но когда на кону стоит твоя жизнь, то еще одна проверка, пусть даже поверхностная визуальная, уж точно не будет лишней!..

...Внезапно в тишину летней ночи со стороны, где делали свою работу немецкие саперы, ворвались двусложные скрипучие звуки. Так кричит коростель-самец, метя территорию и привлекая самку для участия в брачных играх. Но для Хагена и его подчиненных это был условный сигнал, поданный старшим саперной группы унтер-офицером Вилли Кенигом и означавший, что путь через минное поле свободен.

– Пора, – стиснув зубы, прошептал лейтенант.

Сделав знак остальным, он бесшумно пополз вперед. Другие бойцы его группы, сохраняя между собой некоторую дистанцию, потянулись следом. Сверху продвижение отряда напоминало без усталости извивающуюся серую змею, постепенно будто бы «ввинчивающуюся» в узкий коридор, ограниченный с обеих сторон воткнутыми в землю заостренными березовыми колышками.

Исключением являлся лишь оставшийся на месте расчет пулемета «MG-42», оборудовавший свою позицию воз-

ле раскуроченного снарядами обгорелого полугусеничного бронетранспортера «Ганомаг». Остов бронемашины грудой искореженного металла возвышался метрах в пятидесяти левее от проложенного саперами в минном заграждении прохода. И в задачу пулеметчиков входило в случае боестолкновения с русскими прикрыть сослуживцев плотным огнем.

Однако пока все вокруг было тихо. Из советских траншей не доносилось ни единого звука. Не было слышно ни окриков часовых, ни приглушенных бруствером голосов. Над освещенными луной окопами не вился ставший неотъемлемой частью солдатской фронтовой жизни сизый папиросный дым, и создавалось полное впечатление, что их все давно покинули.

Это очень тревожило лейтенанта Хагена, который полз, не опуская головы, постоянно смотрел в сторону неприятеля и спинным мозгом ощущал, что русские никуда не ушли, а затаились где-то совсем рядом и, оставаясь невидимыми для противника, внимательно за ним наблюдают, готовясь нанести удар. За годы, проведенные на войне, Гюнтер научился доверять своим чувствам. Но повернуть назад, тем самым нарушив приказ, он тоже не мог. Поэтому лейтенант упорно продолжал двигаться вперед, ведя свой отряд навстречу неотвратимой судьбе.

И тут грянул гром! Из советских окопов полыхнуло огнем, на солдат Вермахта обрушился свинцовый дождь, и казавшийся еще мгновение назад почти мирным ночной пейзаж

теперь стал похож на разверзшиеся врата преисподней! Крики, вопли, треск автоматов и гулкие винтовочные выстрелы, разрывы гранат и стаккато пулеметных очередей – все перемешалось в смертельной круговерти!

Немцы попали в ловушку и вынуждены были прижаться к земле. Гюнтер вначале пытался руководить действиями подчиненных, но его голос тотчас же утонул в грохоте боя, и лейтенант, осознав бесплодность своих усилий, сейчас делал то, что в данный момент являлось единственно возможным – экономя патроны, отстреливался из «МР-40», пытаясь целиться по вспышкам над бруствером, за которым скрывались русские.

«Я знал, что так будет, проклятие, знал!» – беспрестанно вертелось у Хагена в голове.

Эта мысль настолько давила, заполонив его мозг, а в ушах так жутко гремело, что Гюнтер не сразу заметил, как неприятельский огонь ослабел. Причиной тому был хлестко ударивший с фланга «MG-42», чьи пули, вздымая фонтанчики грунта и вырывая с корнями пучки зеленой травы, заставили красноармейцев пригнуться и переключиться на новую цель. Но лейтенант догадался об этом, как упоминалось чуть выше, лишь тогда, когда перед ним возникло перепачканное грязью и кровью лицо унтер-офицера Кенига, махавшего рукой в сторону озаряемого всполохами выстрелов «Ганоматга». Проследив за его жестами взглядом, Хаген сообразил, что появился шанс выжить, и моментально принял решение.

– Отходим! – во всю мощь своих легких буквально про-рычал он, обернувшись назад. – Забираем с собой раненых и, по возможности, убитых!

Пока уцелевшие бойцы его группы выполняли приказ командира, Гюнтер, сменив магазин, прикрывал их, насколько это было возможно. Ему вторил залегший рядом с винтовкой в руках Вилли Кениг. И только сейчас лейтенант вспомнил, что саперов должно быть трое.

– Где твои люди, Вилли? – крикнул Хаген, наклонившись к уху унтер-офицера.

– Они остались там, на краю минного поля! – кивнул Кениг в направлении советских позиций. – Зигфрид и Юрген, оба убиты еще в самом начале! Русские пули и гранаты превратили тела парней в отбивные! Я хотел вытащить кого-то из них, но решил, что в одиночку, да еще под таким плотным обстрелом, не смогу этого сделать!

– Ты поступил правильно, иначе бы тоже погиб!

– Наверное, господин лейтенант, – задумчиво произнес Вилли, уставившись в некую точку в темноте и не отреагировав на просвистевшую возле головы автоматную очередь, – однако все равно как-то мерзко! Если бы я попытался...

– Прочь сомнения, унтер-офицер, сейчас не время! – жестко оборвал его Хаген, сообразивший, что сапер от всего им пережитого находится на пределе и в любую секунду может окончательно впасть в ступор. – Пора убираться домой! Живо ползи отсюда, а я за тобой следом!

И, видя, что Кениг все еще непонятно колеблется, подкрепил слова делом, без лишних церемоний ухватив его за шиворот и ощутимо подтолкнув в нужную сторону.

За многовековую историю человечества уже бессчетное количество раз было доказано, что простые решения зачастую являются наиболее эффективными. Так произошло и сейчас – получивший ускорение Вилли будто стряхнул оцепенение и весьма резво по-пластунски устремился догонять своих отступающих товарищей. Гюнтер полз сзади, иногда поглядывая на мелькающие впереди кованые подошвы сапог унтер-офицера и стараясь не отставать, но скоро понял, что удержаться в кильватере перемещавшегося на животе с впечатляющей скоростью Кенига у него не получится, и упираться не стал.

Тем временем огонь из неприятельских траншей прекратился, и Хаген спустя несколько минут благополучно добрался до ожидавших его на безопасном расстоянии подчиненных, к которым, естественно, уже присоединился и сапер Вилли. Привычно оправив измятую грязную форму, лейтенант пересчитал остатки своего отряда. Из устроенной русскими кровавой бани живыми вырвались одиннадцать военнослужащих, включая двоих тяжелораненых и его самого. С поля боя удалось вынести тело одного погибшего, унтер-офицера Краузе. А общие безвозвратные потери составили восемь человек. И сейчас, всматриваясь в почерневшие осунувшиеся лица бойцов, Хаген с горечью вынужден был

констатировать, что задуманная вышестоящим начальством операция по захвату вражеского «языка» с треском провалилась...

Глава 6

...Старшина Овечкин, лежа в тени возвышавшегося над ним и с первого взгляда практически не поврежденного, если не считать рваного закопченного отверстия в борту башни, американского среднего танка М4 «Шерман», наблюдал через оптический прицел СВТ-40 за копошащимися в траншее гитлеровцами. Он уже выделил для себя несколько приоритетных целей, и, поскольку высокопоставленных фрицев среди них, да и в округе, не было, в настоящий момент лишь терпеливо ждал, когда наступит выбранное им самим контрольное время, то есть десять часов.

Минувшей ночью Андрею почти не удалось поспать. Сначала он, благо располагался в полутора сотнях метрах от Позднякова, вслушиваясь в каждый звук, напряженно следил, как группа фашистов расплывчатыми тенями движется мимо позиции сержанта на восток. Затем перед траншеями батальона произошел скоротечный бой, и немцы с потерями вернулись обратно, причем тем же маршрутом. Вроде бы все обошлось, и Сергея они не заметили, однако старшине в обоих случаях пришлось изрядно поволноваться за своего товарища. Незадолго перед рассветом он все же забрался через нижний люк внутрь танка и покемарил минут сорок, устроившись на месте стрелка-радиста, а с первыми лучами восходящего солнца уже снова бодрствовал. И потому сей-

час ощущал себя немного «вареным», беспрестанно зевал и, чтобы не оказаться в коварных объятиях Морфея, покусывал вырванную из земли травинку, также периодически растирая пальцами мочки ушей.

...Прекрасно изучив собственный организм, Овечкин знал, что подобное состояние тотчас исчезнет, едва он займется привычным делом – начнет истреблять гитлеровцев. Но пока приходилось держаться, борясь с пытавшимся завладеть его сознанием сном в прямом смысле подручными средствами...

...Между тем, время неумолимо текло, и спустя приблизительно четверть часа к естественным звукам и шумам, обычным для солнечного летнего утра, добавился постепенно усиливающийся гул авиационных моторов.

«Рама» прилетела, – по тональности двигателей определил Андрей и машинально посмотрел на часы, – значит, проведет разведку, передаст, куда следует, необходимые сведения и координаты, а потом наши истребители ее прогонят! Маловероятно, что немцы поднимут в воздух свои пикировщики на бомбардировку зарывшихся в землю стрелковых частей. Скорее всего, противник, не откладывая в долгий ящик, начнет обстрел из орудий или же минометов, на который наши ребята, безусловно, ответят. Фрицы в траншеях, естественно, не дураки и забьются в щели, что твои тараканы, откуда высунут нос только когда пальба прекратится. На эти «мероприятия» уйдет, наверное, с полчаса, может, чуть

больше. Сейчас же ровно девять, и по всему вытекает, что я могу немного отвлечься от своих наблюдений и спокойно перекусить! А если, что вряд ли, появится все-таки какой-нибудь толстый вражеский генерал, то Поздняков его и без меня снимет, не напрягаясь!»

Придя к таким умозаключениям, старшина отполз назад, забравшись еще глубже под танковое днище, положил на траву винтовку, достал из вещевого мешка горбушку ржаного хлеба и принялся неторопливо ее жевать, прислушиваясь к монотонному гудению бесцеремонно кружащегося над позициями красноармейцев «Фокке-Вульфа»...

...Последующие события развивались именно так, как и предполагал Овечкин. В безоблачном голубом небе появилась пара «Лавочкиных». Зайдя со стороны солнца, наши летчики яростно атаковали «Раму», и вконец обнаглевший тактический разведчик, отбиваясь от ястребков, был вынужден убираться восвояси.

Еще не успели затихнуть звуки удаляющегося на запад воздушного боя, а уже в полную мощь заработали немецкие минометы. Почти два десятка мин с противным свистом пронеслись над полем и разорвались в расположении батальона майора Деменева. За этим залпом последовал второй, равнозначный по силе, а вот третий получился гораздо слабее. Потому как, хоть и с небольшим опозданием, но очень активно и, что главное, весьма эффективно вступила в противоборство замаскированная в овраге за деревней совет-

ская батарея 120-миллиметровых минометов, накрыв первыми же выстрелами несколько вражеских огневых точек.

Получив достойный отпор, гитлеровцы огрызнулись еще двумя залпами и стали сворачиваться. Что было на руку нашим, старавшимся сохранить место нахождения своей батареи в секрете от неприятеля. Таким образом, минометная дуэль быстро пошла на убыль и вскоре окончательно прекратилась...

– Все закончилось раньше, чем я рассчитывал, – отправив в рот последние крошки хлеба, с некоторым удивлением пробормотал Андрей. – Впрочем, позавтракать, хоть и всухомятку, у меня получилось, и теперь с чистой совестью и в меру набитым желудком можно вернуться к повседневной работе!

Старшина взял в руки винтовку и снова устроился на прежнем месте, с которого открывался хороший обзор фашистских позиций...

* * *

...Гюнтер Хаген сидел в траншее на пустом ящике из-под боеприпасов и сосредоточенно курил сигарету. Только что прекратилась интенсивная, но кратковременная перестрелка, которую вели минометчики с обеих сторон, и за дело взялись санитары, перевязывавшие стонущих раненых и укладывавшие отдельно убитых. Среди подчиненных Гюнтера та-

ковых не оказалось. Но ему от этого было не легче, ведь он потерял восьмерых в жестоком ночном бою с русскими. И сейчас лейтенант напряженно размышлял, силясь понять, мог ли он предотвратить гибель своих людей. По всему выходило, что нет. Однако Хаген не унимался, вновь и вновь прокручивая в голове эпизоды той схватки.

Он был настолько поглощен своими тягостными раздумьями, что не увидел, как из-за поворота траншеи в сопровождении обер-лейтенанта Эриха фон Тиссена, возглавлявшего вторую роту, показался командир батальона майор Ридель. Зато Ридель сразу обратил внимание на сидящего на ящике офицера. Сдвинув брови к переносице, он быстрыми шагами подошел к лейтенанту и неприязненно произнес:

– Я вижу, прохлаждаетесь! Конечно, самое время!

– Виноват, господин майор! – вздрогнув от неожиданности и только сейчас заметив командира батальона, воскликнул Хаген, при этом моментально осознав, что в траншее на переднем крае тот появился неспроста.

Запоздало вскочив на ноги, Гюнтер принял строевую стойку и отдал честь.

– Да нет, продолжайте, все ведь в порядке! – уже с откровенной издевкой процедил Ридель, впившись испепеляющим взглядом в зажатую между пальцами левой руки лейтенанта дымящуюся сигарету, про которую Гюнтер благополучно забыл. – Сначала запороли операцию, разработанную в нашем штабе, потом, очевидно, забыли мне об этом доло-

жить, а сейчас преспокойно курите в тенечке! Вы просто образцовый офицер, Хаген!

– Виноват, господин майор! – выбросив, наконец, сигарету, хладнокровно повторил лейтенант.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя внутри у Гюнтера уже все кипело. Он и так весь извелся в поисках своей вины, а тут еще добавились голословные обвинения командира батальона в провале ночной вылазки, в которой сам Ридель участия не принимал и знать подробностей, конечно, не мог! Было от чего взбеситься, и Хаген, безостановочно играя желваками, чувствовал, что может сорваться в любой момент. Но внезапно ему на помощь пришел доселе не проронивший ни слова фон Тиссен.

– Извините, что вмешиваюсь, – мягко произнес Эрих, взглянув из-за плеча майора, – но я считаю, что лейтенант Хаген действовал правильно! А то, что его отряд попал в засаду, – это, не побоюсь выразиться, заслуга наших врагов, говоря шахматным языком, домашняя заготовка русских!

– Откуда подобная уверенность, обер-лейтенант? – медленно повернув голову, спросил Ридель.

Он задал вопрос очень тихо, но его голос явственно отдавал металлом.

– Я следил за боем, господин майор, – просто ответил фон Тиссен, – залез на старую березу возле своего блиндажа и оттуда наблюдал в бинокль!

– Разве можно было что-либо разглядеть в такой темноте,

да еще и на расстоянии около километра?

– Насчет остальных не знаю, – улыбнулся Эрих, – но я вижу ночью, как днем, у меня получилось! К тому же светила луна...

– Достаточно, обер-лейтенант, все ясно! – оборвал фон Тиссена майор, подкрепив слова характерным, не допускающим возражений, жестом. – Ваше мнение обязательно будет учтено в ходе дальнейших разбирательств!

Ридель поправил на голове фуражку и, посмотрев уже на Хагена, с нескрываемой угрозой добавил:

– Не радуйтесь, лейтенант! Адвокат фон Тиссен вам все равно не поможет! Я лично буду настаивать на том, что именно вы виновны в срыве операции!

Гюнтер, наплевав на звания, хотел жестко ему возразить, но в последний момент сдержался, увидев, как обер-лейтенант, прижав к губам указательный палец и едва ли не подпрыгивая за спиной у майора, яростно вертит головой, призывая Хагена к молчанию. Что касается Риделя, то он истолковал реакцию лейтенанта, а точнее, ее отсутствие на свои последние слова, как некое согласие с ними или даже «безоговорочную капитуляцию», чего, собственно и добивался. И потому, взглянув на подчиненного свысока и всеми фибрами впитывая одержанную, как ему казалось, только что моральную победу, командир батальона решил изобразить, будто его появление на передовой обусловлено в первую очередь глобальными проблемами, а прессинг, которому под-

вергся Гюнтер Хаген, – всего лишь мелкий незначительный эпизод, своего рода этакая развлекательная увертюра.

– Ну что же, – совершенно иным, чем тридцать секунд назад, тоном произнес он, – теперь, лейтенант, когда точки над «и» расставлены, я бы хотел услышать доклад и ознакомиться с данными насчет выявленных вами замаскированных огневых точек противника!

– Ночью слишком много стреляли, и запомнить, кто и откуда палил, было весьма затруднительно, – ровным голосом ответил Хаген, при этом словно бы невзначай опутив словосочетание «господин майор».

– Вы не поняли, лейтенант! – надменно сказал Ридель. – Я хочу знать результаты методичных и скрупулезных наблюдений, которые проводились на протяжении нескольких последних дней вами и другими офицерами! Мне известно, что командир вашей роты обер-лейтенант Лауфер два дня назад был тяжело ранен во время артиллерийского обстрела и сейчас находится в госпитале! Передать в штаб свежие данные о неприятеле он не успел! Поэтому Хаген, обрисуйте мне ситуацию на местности и предоставьте соответствующие бумаги, чтобы можно было сверить ваши сведения с теми, которыми располагает штаб батальона!

– Это невозможно! Все информация о русских на уровне роты скапливалась у обер-лейтенанта Лауфера, он ее анализировал и сверял! В тот злополучный день, когда его ранили, полевая сумка со всеми документами была при нем и полно-

стью сгорела вместе с мотоциклом, на котором ехали обер-лейтенант и погибший тогда фельдфебель Ноймар, остался лишь ремешок! У меня есть, конечно, тетрадь с собственными пометками, в которой, что называется, на глазок зафиксированы пулеметные гнезда и отдельные минометные окопы русских! Но это информация неполная, без четких координат и, возможно, устаревшая!..

Гюнтер сделал короткую паузу и затем, глядя прямо в глаза майору, отчеканил:

– К тому же я не исполняю обязанности командира роты!

– То есть как?! – изумленно воскликнул Ридель. – Мною было подписано соответствующее распоряжение, которое должны были до вас довести!

– Я его не видел! – негромко, но очень твердо произнес лейтенант.

– Хорошо, я выясню, в чем дело, – сказал майор, поморщившись. – Правда, мой адъютант уже третий день валяется с пневмонией и температурой под сорок, а его помощник идиот, каких мало, и постоянно все забывает!..

Здесь Ридель внезапно умолк, видимо, сообразив, что вначале следует навести порядок в своем ближайшем окружении, а уже потом требовать отчета от других. Впрочем, майор привык в общении с подчиненными всегда оставлять последнее слово за собой и сейчас от этого правила отступить тоже не собирался. После непродолжительного молчания он повернулся к Эриху фон Тиссену и приказал:

– Обер-лейтенант, дайте мне ваш бинокль!

– Господин майор, это небезопасно, – возразил тот, – солнце светит нам в лицо, и противник может заметить блики от линз! Давайте вернемся на наблюдательный пункт и все рассмотрим через стереотрубу!

– Фон Тиссен, я не люблю повторять! – категорично заявил Ридель, протягивая руку. – Не заставляйте меня ждать!

– Слушаюсь! – козырнул обер-лейтенант.

Сняв с шеи ремешок, он передал бинокль командиру батальона, сделал шаг в сторону и, подобно каменной статуе, замер на месте, плотно сжав губы и тупо уставившись перед собой. Весь облик фон Тиссена словно говорил: «Я вас предупредил, господин майор! Теперь умываю руки!»

Но Ридель этот своеобразный протест даже не заметил. Он посмотрел на часы, показывавшие без одной минуты десять, затем подошел к вырубленной в стенке траншеи широкой ступеньке, встал на нее и, приподнявшись над бруствером, приложил бинокль к глазам.

– Идите сюда, Хаген! – не оборачиваясь, позвал он. – Не бойтесь, злые русские вас не подстрелят!..

Больше майор ничего сказать не успел. Приглушенно хлопнувший выстрел и короткий болезненный вскрик слились практически в один звук. Ридель, неестественно взмахнув руками, повалился грудью вперед и медленно сполз на глинистое дно траншеи, где и застыл, глядя безжизненными пустыми глазами в яркое голубое небо...

...Первый готов! – воскликнул сержант Поздняков, проводив торжествующим взглядом скрывшееся за бруствером тело вражеского офицера.

Он перезарядил винтовку и снова приник к прицелу. В некотором отдалении раздался одиночный выстрел из СВТ.

«Вот и старшина подключился!» – шмыгнув носом, удовлетворенно отметил Сергей.

И тотчас инстинктивно втянул голову в плечи, потому что немцы очухались и открыли по полю беспорядочный ураганный огонь. Тем самым гитлеровцы допустили большую ошибку, поскольку, во-первых, абсолютно не имели понятия, куда и по кому стрелять, соответственно, палили вслепую, напрасно расходуя боеприпасы, а во-вторых, высовываясь из окопов для ведения огня, становились легкой мишенью для остававшихся невидимыми советских стрелков. За подобное безрассудство, а возможно, и скудоумие многие представители «высшей расы» очень скоро и поплатились...

– Бах! – вдавил спусковой крючок Поздняков, и худошавый фельдфебель, обливаясь хлынувшей из пробитой артерии кровью, замертво рухнул навзничь.

– Бах! Бах! – прозвучало левее с небольшим интервалом, и опытный пулеметчик, за год пребывания на Восточном фронте не получивший не единой царапины в тяжелых боях,

ткнулся лицом в приклад «MG-42», а его напарник с воплем упал на колени, зажав ладонью простреленное плечо.

Еще выстрел – еще труп! Пули разили фашистов одного за другим, а те, словно находясь под гипнозом, продолжали бессмысленно подставляться и остервенело лупить в белый свет, как в копейку, из всех стволов! Создавалось ощущение, что в некоем парке абсурда открылся смертельный аттракцион, и никто из гитлеровцев не хотел его покидать! По крайней мере, живым...

* * *

...Склонившись над телом майора, фон Тиссен сразу же понял, что тот мертв. Аккуратная дырочка во лбу командира батальона не допускала иных толкований. Эрих все-таки приложил к его шее два пальца, но предсказуемо даже слабого пульса не ощутил.

– Снайпер, – взглянув на Гюнтера, констатировал оберлейтенант.

– Возможно, их несколько, – откликнулся Хаген, покосившись в сторону поля, откуда слышался еще выстрел, – огонь ведется из разных мест!

Отработанным движением он достал из кармана свисток и поднес к губам. Еще не затихла продолжительная заливи́стая трель, как из-за выступа траншеи появился унтер-офицер с круглым, усыпанным веснушками лицом.

– Эй, Шульц! – крикнул Гюнтер, обращаясь к нему. – Передай мой приказ – всем укрыться и противнику не отвечать!

– Слушаюсь! – воскликнул Шульц и умчался выполнять приказание.

Фон Тиссен, посмотрев ему в спину, хотел что-то сказать, но со стороны, противоположной той, куда побежал унтер-офицер, вспыхнула перестрелка, и он, скорчив гримасу, лишь неопределенно качнул головой и пробормотал себе под нос:

– Подчиненным Мюллера, похоже, нейдет! Этот олух угробит половину своей роты, как пить дать!

Присев на ящик, Эрих достал сигареты и жестом предложил Гюнтеру одну.

– Спасибо, господин обер-лейтенант, пока не хочется, – благодарно кивнув, произнес Хаген.

– Отбросим условности, можешь звать меня Эрих! – улыбнулся фон Тиссен и протянул руку, которую лейтенант после секундного замешательства крепко пожал.

– Гюнтер! – представился он.

– Я знаю! – сказал фон Тиссен, чиркая спичкой и закуривая. – Покойный Ридель, пока сюда топали, все уши мне прожужжал! Ничего прямо не говорил, но я догадался, что майор хотел тебя сделать крайним, ведь план ночной вылазки разработал именно он, а за провал и потери ему отвечать не хотелось! Думаю, и я понадобился для того, чтобы был свидетель, если ты вдруг признаешь свою несуществующую

вину!..

Обер-лейтенант внезапно замолк, прислушиваясь к звукам ожесточенного боя.

– Гюнтер, ты ничего не заметил? – после короткой паузы спросил он.

– Да вроде бы нет! – пожал плечами Хаген.

– Я больше не слышу одного «MG-42», – нахмурившись, промолвил фон Тиссен, – того, что работал ближе всех к нам!

– Наверное, ствол меняют, – предположил лейтенант.

– Слишком уж долго, – с сомнением произнес Эрих. – И по времени перегреваться ему еще рановато. Пойду-ка проверю, что и к чему...

Обер-лейтенант пружинисто вскочил на ноги и, прикусив сигарету зубами, направился по траншее в сторону боевых порядков третьей роты.

– Мюллер не любит, когда вмешиваются посторонние! – крикнул ему вслед Гюнтер.

– Ничего, потерпит! – отмахнулся фон Тиссен и скрылся за поворотом траншеи.

– Как скажешь, тебе виднее, – пробормотал Хаген, но его слова, адресованные обер-лейтенанту, естественно, ушли в пустоту...

...Перестрелка завязалась вроде бы совсем недавно, однако у Сергея Позднякова от сумасшедшего темпа стрельбы уже начали болеть и слезиться глаза. Попадающие в оптический прицел головы и фигуры немецких солдат периодически расплывались, превращаясь на короткое время в бесформенные смазанные миражи. Он уже потерял счет уничтоженным им фашистам и за грохотом боя, естественно, не мог слышать, как размеренно и четко посылает разящие «гостинцы» врагу СВТ-40 старшины Овечкина...

...У Андрея перед товарищем было некоторое преимущество. Оно заключалось в том, что его снайперская винтовка имела коробчатый магазин, рассчитанный на десять патронов и позволявший, цитируя самого Овечкина, «не отвлекаться в процессе работы по мелочам».

«Мосинка» же Позднякова из-за установленного на ней оптического прицела единовременно заряжалась лишь на один выстрел. Правда, у СВТ были и свои недостатки, однако старшина к ним уже давно приноровился и практически не замечал.

Андрей, в отличие от Позднякова, хорошо помнил, скольких фашистов уложил, и отдавал себе отчет, что скоро все завершится, поскольку понимал, что охвативший большинство гитлеровцев и не поддающийся осмыслению своеобраз-

ный психоз не может распространяться на всех поголовно. Так и произошло. Над бруствером то в одном месте, то в другом замельтешила офицерская фуражка, и после ее появления немецкие солдаты принялись исчезать в глубине траншеи.

«Похоже, этот дядя сохранил хладнокровие и способность трезво соображать! – подумал Овечкин, стараясь поймать неприятеля в прицел. – Он стаскивает вниз за ноги своих тупоголовых подчиненных! Хорошо бы его подстрелить, да вряд ли получится – цель маловата и движется постоянно!»

Для очистки совести Андрей все-таки пальнул разок, когда фуражка опять показалась над земляной насыпью и оставалась в поле зрения снайпера чуть дольше, чем раньше. Он увидел, что точно попал аккуратно над раскинувшим крылья на тулье имперским орлом, в следующее мгновение головной убор будто бы испарился, однако внутренний голос подсказывал старшине, что радоваться преждевременно. И потому Овечкин совершенно не удивился, заметив приблизительно через двадцать секунд, что пресловутая фуражка, «украшенная» свежим пулевым отверстием, вновь провокационно мелькнула в прицеле СВТ-40 и тотчас пропала из виду, на этот раз окончательно.

– Ты промахнулся, мазила, – обращаясь к себе, прошептал Андрей, – ничего не поделаешь, бывает.

Медленно поведя стволом винтовки слева направо и обратно, он внимательно осмотрел через прицел вражеские по-

зиции, но ни одной возможной цели обнаружить не смог.

– Все-таки спрятались, рахиты, – огорченно вздохнул Овечкин, – видать, офицер этот ловкий их вразумил! Теперь уже точно не вылезут, можно не ждать! Значит, нужно срочно придумать, чем бы заняться, нам-то с Серегой еще куковать здесь на поле, как минимум, до наступления темноты!..

Поразмышляв недолго, Андрей осторожно, чтобы не демаскировать свою позицию, засунул вещмешок и винтовку внутрь американского танка через темнеющее отверстие в бронированном днище, потом сам забрался следом и аккуратно прикрыл весьма тяжелую, как ему показалось, крышку нижнего люка за собой...

* * *

...После ухода Эриха лейтенант Хаген еще чуточку посидел один, затем поднялся, оправил мундир и пошел проверить своих бойцов, поскольку ощущал себя ответственным за их жизни. Возможно, определенную роль тут сыграли и слова ныне покойного майора, упоминавшего некий приказ...

Как бы там ни было, Хаген обошел позиции роты и, убедившись, что среди личного состава потерь нет, с чувством исполненного долга возвратился на прежнее место, где снова плюхнулся на ящик в ожидании фон Тиссена. Интуиция подсказывала Гюнтеру, что обер-лейтенант обязательно вер-

нется.

Между тем, стрельба постепенно затихала. Кое-где еще раздавались отдельные выстрелы из винтовок, но все говорило о том, что боестолкновение скоро окончится...

...Эрих появился минут через десять в сопровождении нескольких санитаров, которые, быстро осмотрев тело командира батальона, подняли его с земли и унесли. Хаген и присоединившийся к нему фон Тиссен молча проводили их глазами и переглянулись.

– Мюллер убит, командир пулеметной роты Венк тоже, – устало произнес обер-лейтенант, отвечая на немой вопрос, явственно читавшийся во взгляде Гюнтера, – и еще одиннадцать человек вместе с ними, несчастливое число получается, будто бы колдовство.

– А на мой взгляд, просто судьба, – мягко возразил Хаген, – или злой рок.

– Разве это не одно и то же? – наклонил голову фон Тиссен.

– Нашел у кого спрашивать, – грустно улыбнулся Гюнтер, – я ведь не философ, а обычный лейтенант!

– Для обычного лейтенанта ты слишком мудрено рассуждаешь!

– Таким уж уродился, извини!

– А на это что скажешь? – задал вопрос Эрих, протягивая Хагену фуражку, в тулье которой зияло небольшое отверстие с рваными краями.

– Что тебе невероятно повезло! Попади русский снайпер на пару дюймов ниже, и второй роте понадобился бы новый командир! – ответил Гюнтер.

– Ты читаешь мои мысли, – усмехнулся фон Тиссен, но тут же согнал улыбку с лица, – однако пора заканчивать трепаться и переходить к делу!

– Согласен, – кивнул Хаген.

– Наш батальон обезглавлен, – продолжил обер-лейтенант, – и, пока из штаба полка не пришлют нового командира, эту обязанность, при всем нежелании, мне придется взвалить на себя. Соответственно, ты будешь руководить своей ротой. И мы должны сейчас вдвоем решить, как поступить с прячущимися в поле среди подбитой техники вражескими снайперами! Данный вопрос первоочередной, сам понимаешь! Есть предложения?

– Целых три, но два вряд ли нам подойдут, – произнес Гюнтер, почесав лоб. – Во-первых, можно попробовать их накрыть беглым огнем из минометов, но мне кажется, что результат будет нулевым. Ведь русские, скорее всего, залегли между гусениц или колес, короче, под днищем, а вероятность того, что под танк или броневик залетит осколок, чрезвычайно мала.

– Мы даже не знаем, где укрываются эти стрелки, известен лишь приблизительный сектор, – добавил фон Тиссен.

– Тогда следующий вариант – поднять роту или весь батальон, прочесать местность, обнаружить и выкурить снай-

перов!

– Категорически отпадает! В чистом поле они перестреляют наших ребят, как куропаток! А мы и так потеряли менее чем за полсутки только убитыми около тридцати человек! И это в условиях вялотекущей позиционной войны! Я не Ридель и людей на верную смерть не пошлю!

– Значит, единственное, что остается, – сидеть ровно и ждать! Как ни крути, а уж ночью русские точно уберутся домой!

– Так и сделаем, – вздохнул фон Тиссен, – иного выхода из сложившейся ситуации я тоже не вижу!..

Офицеры поговорили еще пару минут, после чего расстались. Эрих по ходам сообщения отправился на командный пункт батальона, а Гюнтер откинулся спиной на стенку траншеи, расслабился и закрыл глаза.

Он только сейчас ощутил, как сильно устал. Сказывалась полная опасностей минувшая ночь, да и события последнего часа не прошли для него бесследно. Чтобы не заснуть, Хаген принялся щипать пальцами мочку уха, но это не помогло, и спустя несколько коротких мгновений лейтенант провалился в глубокий сон...

Глава 7

...После благополучного возвращения Овечкина и Позднякова с задания прошло семь ночей и шесть дней. За это время на данном участке фронта ничего экстраординарного не произошло. Все было, как обычно, то есть весьма буднично.

Каждое утро ровно в девять часов с завидным постоянством над расположением наших частей появлялась неугомонная «Рама», которую достаточно быстро прогоняли куда подальше красноезвездные ястребки. Затем гитлеровцы начинали минометный или артиллерийский обстрел, завершавшийся практически сразу, как только с востока прилетал зеркальный ответ. Этим боевая активность обеих сторон в светлый период суток и ограничивалась.

С наступлением темноты, хотя и не еженощно, за дело принимались разведывательно-диверсионные группы. Хорошо подготовленные и небольшие по численности отряды скрытно, в обход неприятельских позиций, проникали на контролируемую противником территорию, закладывали взрывчатку на путях следования войск, устраивали засады на лесных и проселочных дорогах с целью уничтожения вражеской живой силы и бронетехники, а также захвата располагающих важными сведениями «языков».

В прямое боестолкновение эти отряды, как правило, не

вступали и, выполнив или же провалив поставленную перед ними задачу, такими же «огородами» уходили назад. Группы различались по вооружению и количественному составу, но одна особенность была общей и для советских, и для немецких диверсантов – после разгрома отряда лейтенанта Гюнтера Хагена ни те, ни другие даже не пытались пробраться в места дислокации частей противника! Гитлеровцы извлекли очень хороший урок из собственных ошибок, а наши – из чужих. Впрочем, все было логично – в условиях, когда значительно увеличилось число дозоров, секретов и сторожевых постов, никто не собирался понапрасну жертвовать людьми...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.